

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

*Сборник статей по материалам
XLII международной научно-практической конференции*

№ 10 (41)
Октябрь 2014 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2014

УДК 34
ББК 67
В74

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Андреева Любовь Александровна — канд. юрид. наук, доц. Российского государственного гуманитарного университета, зав. кафедрой частного права филиала РГГУ, г. Великий Новгород.

Редакционная коллегия:

Калинская Ольга Евгеньевна — канд. юрид. наук, доц., заведующий кафедры уголовного права и криминологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого;

Кириянов Артем Юрьевич — канд. юрид. наук, доц., председатель Исполнительного комитета Российского Союза налогоплательщиков, член-корреспондент РАЕН.

В 74 Вопросы современной юриспруденции / Сб. ст. по материалам XLII междунар. науч.-практ. конф. № 10 (41). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. 90 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Вопросы современной юриспруденции» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Актуальные вопросы противодействия общеуголовной преступности	5
ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ БАЗЫ ДАННЫХ ГЕНОМНОЙ ИНФОРМАЦИИ Надоненко Ольга Николаевна	5
Секция 2. Актуальные вопросы противодействия преступности, носящей коррупциогенный характер	12
К ВОПРОСУ О КОРРУПЦИОГЕННОМ ФАКТОРЕ Андреева Любовь Александровна	12
ОБ ЭКСПЕРТИЗЕ НА КОРРУПЦИОГЕННОСТЬ НОРМАТИВНЫХ И ИНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ Андреева Любовь Александровна	18
Секция 3. Гражданское, жилищное и семейное право	26
ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОГОВОРА О РЕАЛИЗАЦИИ ТУРИСТСКОГО ПРОДУКТА, ЗАКЛЮЧАЕМОГО ПОТРЕБИТЕЛЕМ С ТУРИСТИЧЕСКИМ АГЕНТСТВОМ Полотовская Елена Юрьевна	26
Секция 4. Земельное и экологическое право	32
ОБОРОТ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ Ивлева Анна Филипповна	32
Секция 5. Информационное право	38
ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМНЫХ СФЕР ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ДЕТЕЙ НА ЗАЩИТУ ЗДОРОВЬЯ И НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ Дорогова Евгения Вадимовна	38
Секция 6. Теория государства и права	43
«ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ» И «ИНТЕГРАЦИЯ» В КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ Петров Дмитрий Евгеньевич	43

КОММУНИКАТИВНАЯ ПОДГОТОВКА В СОВРЕМЕННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ Усманова Елена Фанильевна	49
--	----

Секция 7. Уголовное право **54**

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ АБОРТОВ В ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ Аманжолова Ботагоз Атымтаевна	54
--	----

УБИЙСТВО ПРИ СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ В СТРАНАХ С АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМОЙ Бабичев Арсений Георгиевич	64
---	----

**Секция 8. Финансовое право и финансовая
политика** **70**

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ- НЕРЕЗИДЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ Анискина Надежда Владимировна Старостин Сергей Алексеевич	70
---	----

ФИНАНСЫ СТРАХОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Косоногова Светлана Васильевна Потапов Андрей Михайлович	77
--	----

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ УЛАН-УДЭНСКОГО ФИЛИАЛА ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ «ЦЕНТР ГИГИЕНЫ И ЭПИДЕМИОЛОГИИ ПО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМУ ТРАНСПОРТУ» Мартынюк Юлия Сергеевна	84
--	----

СЕКЦИЯ 1.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕУГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ БАЗЫ ДАННЫХ ГЕНОМНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Надоненко Ольга Николаевна

*канд. юрид. наук доцент кафедры криминалистики
второго факультета повышения квалификации
(с дислокацией в г. Екатеринбурге)*

*Института повышения квалификации ФГКОУ ВО
«Академии Следственного комитета Российской Федерации»,*

РФ, г. Екатеринбург

E-mail: uc.ural@mail.ru

THE DEVELOPMENT AND THE FORMATION OF A FEDERAL DATABASE OF GENOMIC INFORMATION

Nadonenko Olga

*PhD in Law associate Professor, Department of Criminology
of the second faculty training (with a dislocation in Ekaterinburg)*

Training Institute FSSEI HI

"Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation",

Russia, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам законодательного регулирования некоторых положений Федерального закона от 03.12.2008 г № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и организации работы федеральной базы данных геномной информации.

ABSTRACT

The article refers to the legal regulation of certain provisions of the Federal Law of 03.12.2008 y. № 242-FL "On State genomic registration in the Russian Federation" and the organization of the federal database of genomic information.

Ключевые слова: геномная информация; ДНК учет.

Keywords: genomic information; DNA records.

Базы данных ДНК существуют во многих странах Европы, Азии, Америки. В европейских странах (Австрии, Нидерландах, Норвегии, Германии, Бельгии и др.) базы данных ДНК начали создаваться в 1997—1998 годах. В 2013 году в базе данных ДНК Интерпола было представлено 69 государств [8].

Согласно годовому отчету Национальной базы Великобритании [9] на 31 марта 2013 года на учете состояло 6 737 973 генетических профилей лиц, что составляет около 10,5% населения Великобритании) и 428 634 генетических профилей, изъятых с различных мест преступлений.

В США база данных Combined DNA Index System) была запущена в 1998 году. По данным опубликованным ФБР [7], на июль 2014 года на учете состоит более 11 миллионов генетических профилей лиц (около 4 % населения США), а так же 571 780 генетических профилей, изъятых с различных мест преступлений.

В России первая база данных ДНК была создана в 2006 году в рамках экспертно-криминалистического учета данных ДНК биологических объектов, утвержденная и регламентированная приказом МВД от 10.02.2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» [1]. В дальнейшем ведение ДНК учета было законодательно закреплено Федеральным законом № 242 от 03.12.2008 г «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» [2].

Согласно данным, представленным на семинаре сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел Российской Федерации в 2014 году в г. Тула, в федеральной базе данных геномной информации (ФБДГИ) поставлено на учет 130373 генетических профилей, из которых 64,7% (84298) составляют генетические профили лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы; 32,2% (42081) – ДНК-следов с мест происшествий; 3,1 % (3994) — генетические профили неопознанных трупов. При проверке по ФБДГИ установлено 1034 совпадений «след-

лицо» и 651 совпадение «след-след». Как видно из приведенных данных, не смотря на свой юный возраст, ФБДГИ уже вносит свой вклад в расследование и раскрытие преступлений.

Вместе с тем Федеральный закон от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ и, созданная в соответствии с ним федеральная база данных геномной информации (ФБДГИ), не получили должной последующей законодательной регламентации, что породило множество организационных, правовых проблем, в том числе касающихся обеспечения гарантий защиты прав человека [4; 5; 6]. Продолжающиеся же изменения в правоохранительной системе России только усугубляют эту ситуацию, порой самым неожиданным образом. С 2012 года Следственный комитет Российской Федерации активно развивает собственную экспертную службу, в том числе лаборатории по молекулярно-генетическому анализу. Биологические лаборатории СК России выполняют судебные экспертизы, типировут объекты, изымаемые с мест происшествия. После чего, следователи направляют полученные результаты в подразделения МВД для постановки на учет в ФБДГИ. Однако, для обеспечения гарантии качества, получаемых результатов и государственного контроля над процессом их получения был разработан закрытый перечень учреждений, которые могут участвовать в проведении федеральной программы по геномной регистрации. К ним в соответствии с п. 2 ст. 9 Федерального закона от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ отнесены только органы предварительного следствия и дознания, а также экспертные подразделения МВД России и учреждения судебно-медицинской экспертизы, входящие в государственную систему здравоохранения [2].

Такой подход исключает возможность участия в проведении государственной обязательной геномной регистрации экспертных подразделений Следственного комитета Российской Федерации, которые тем не менее активно это делают. В настоящее время, разрешить это противоречие возможно либо путем полного запрета на выполнение судебных экспертиз по уголовным делам в части исследования объектов, изымаемых с мест происшествия, экспертными подразделениями Следственного комитета России, либо помещать полученные ими результаты, на учет в ФБДГИ после их верификации, проведенной экспертными подразделениями МВД России или входящими в государственную систему здравоохранения. Как все прекрасно понимают, ни первый, ни второй вариант не осуществимы. Следовательно, необходимо корректировать положения основного закона таким образом, что бы они позволяли участвовать в проведении обязательной геномной регистрации экспертным

подразделениям СК России, что должно так же сопровождаться принятием решения о соответствующем едином для всех экспертных подразделений методическом сопровождении и контроле качества выполняемых исследований, так как сейчас в экспертных учреждениях МВД и системы здравоохранения выполняют судебные экспертизы строго в соответствии с утвержденными методиками, разработанными целенаправленно для создания и ведения ФБДГИ.

Необходимо так же продумать принцип участия государственных экспертных учреждений в проведении обязательной геномной регистрации, так как закрытый перечень, пусть даже и расширенный участием экспертных подразделений СК России, оставит проблему потенциально не решенной, так как при этом остается открытым вопрос о возможности или порядке участия в реализации данной программы со стороны других государственных экспертных подразделений. При текущей сложившейся ситуации отсутствует государственный порядок утверждения перечня выполняемых судебных экспертиз государственными экспертными подразделениями. Каждое ведомство самостоятельно решает вопрос о том, какие виды судебных экспертиз будут выполняться в структурных экспертных подразделениях. Если в ближайшем будущем будет принято решение о проведении молекулярно-генетических экспертиз подразделениями Минюста, то никто не сможет запретить издать соответствующий приказ и начать выполнять эти экспертизы в государственных экспертных подразделениях, входящих в систему Минюста, а значит повторится рассматриваемая и обсуждаемая ситуация относительно выполнения молекулярно-генетических экспертиз подразделениями СК России и правовом статусе получаемых в их ходе результатов.

Хотелось бы обратить внимание на проблему целевого использования геномной информации, которая, как представляется имеется в текущей редакции Федерального закона от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ ст. 14 «Получение и использование геномной информации». В первой части ст. 14 перечисляются источники получения геномной информации, а в ч. 2 этой же статьи указываются цели, в которых может быть использована полученная в результате проведения государственной геномной регистрации информация. Согласно этому перечню геномная информация может быть использована в следующих целях:

1. предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, а так же выявление и установление лиц, их совершивших.
2. розыск пропавших без вести граждан Российской Федерации, а так же иностранных граждан и лиц без гражданства,

проживающих или временно пребывающих на территории Российской Федерации.

3. установление личности человека, чей труп не опознан иным способом.

4. установление родственных отношений разыскиваемых (установливаемых) лиц [2].

Представляется, что перечисленные цели раскрывают в полной мере назначение государственной геномной регистрации. Однако, нигде в Федеральном законе от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ не упоминается о разграничении использования полученной геномной информации по целям в зависимости от того получена геномная информация, находящаяся в базе данных. Речь идет о целях использования геномной информации, полученной от лиц, участвующих в добровольной геномной регистрации. В текущей редакции целями будут являться не только установление личности человека, чей труп не опознан другими способами, и розыск без вести пропавших, но и цели указанные в п. 1 ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ [8]. Это значит, что полученная геномная информация данной категории будет проверяться в том числе и по разделу ДНК биологического материала, изъятого с мест происшествия, с целью предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, а так же выявления и установления лиц, их совершивших. Таким образом, геномная информация, полученная от гражданина, который ни в чем не подозревается и не обвиняется правоохранительными органами, будет проверяться по «криминальному» разделу ФБДГИ. К тому же этот гражданин еще и обязан оплатить постановку на такой учет, так как добровольная геномная регистрация осуществляется на платной основе.

В приказе МВД от 10.02.2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» имеет место попытка ограничения использования геномной информации, полученной от лиц «невиновных». В соответствии с п. 10. указанного приказа геномная информация, полученная от биологических родителей (детей) лиц, пропавших без вести, подлежит проверке только по разделу «Учет данных ДНК неопознанных трупов». Однако это ограничение носит ведомственный характер и не распространяется на геномную информацию, размещенную в добровольном разделе государственной геномной регистрации [1].

В целях соблюдения Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, ратифици-

рованной Федеральным законом от 19 декабря 2005 года № 160-ФЗ [3], должен быть прописан четкий механизм по использованию информации, размещенной в ФБДГИ с учетом разделов, в которых эта информация размещена. Не следует забывать, что люди, чья геномная информация будет размещена в добровольном разделе, не являются ни подозреваемыми, ни обвиняемыми, ни осужденными.

В статье отражена только часть противоречий и проблем, которые связаны с ведением государственной геномной регистрации, которые требуют их скорейшего разрешения и ликвидации, поскольку Федеральный закон от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ непосредственно влияет на качество и эффективность работы федеральной базы данных геномной информации и гарантирует соблюдение общегражданских прав и свобод.

Список литературы:

1. «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» Приказ МВД РФ от 10.02.2006 № 70 (ред. от 21.05.2008) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 13.10.2014).
2. «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»: Федеральный закон от 03.12.2008 г № 242-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 13.10.2014).
3. «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» Федеральный закон от 19.12.2005 № 160-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 13.10.2014).
4. Перепечина И.О. Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»: правовые и криминалистические аспекты // Вестник криминалистики. — 2010. — Вып. 1 (33). — С. 16—22.
5. Перепечина И.О. Идентификация личности при исследовании объектов биологического происхождения и проблема достоверности данных // В кн.: Современное состояние и развитие криминалистики: Сборник научных трудов / Под ред. Н.П. Яблокова и В.Ю. Шепитко. Харьков: Апостиль, 2012. — С. 82—98.
6. Перепечина И.О. Почему совершаются судебные ошибки (криминалистические аспекты) // Сб. науч. трудов «Роль кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в развитии криминалистической науки и практики». М.: МАКС Пресс, — 2010. — Т. 1. — с. 206—210.
7. CODIS-NDIS Statistics [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.fbi.gov/about-us/lab/biometric-analysis/codis/ndis-statistics> (дата обращения: 30.09.2014).

8. Forensics DNA [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.interpol.int/INTERPOL-expertise/Forensics/DNA> (дата обращения: 30.09.2014).
9. National DNA database strategy board annual report 2012—13 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/252885/NDNAD_Annual_Report_2012-13.pdf (дата обращения: 30.09.2014).

СЕКЦИЯ 2.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ, НОСЯЩЕЙ КОРРУПЦИОГЕННЫЙ ХАРАКТЕР

К ВОПРОСУ О КОРРУПЦИОГЕННОМ ФАКТОРЕ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент РГГУ,
зав. кафедрой частного права Филиала РГГУ,*

РФ, г. Великий Новгород

E-mail: andreeva56@mail.ru

ON THE PROBLEM OF CORRUPTION-FACTOURS

Lybove Andreeva

*candidate of juridical sciences, associate professor,
head of the Department of private law*

*Branch of Russian state humanitarian University,
Russia, Velikiy Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам определения коррупциогенных факторов, методике их выявления в нормативно-правовых актах, иных правовых актах, а также в публичных и частных договорных отношениях.

ABSTRACT

The article deals with the definition of corruption-factors, the method of detecting them in legal acts, other legal acts, as well as in public and private contractual relations.

Ключевые слова: коррупциогенный фактор; нормативно-правовой акт; публичный договор; частноправовой договор; методика.

Keywords: corruption-factors; legal act; a public contract; private-law contract method.

В настоящее время в Российской Федерации предпринимаются усилия по формированию действенного механизма противодействия коррупционным явлениям. Вместе с тем, ряд нормативных актов, принятых в развитие запланированных мероприятий по противодействию коррупции представляются малоэффективными. Рассмотрим тенденции развития законодательства в области проведения антикоррупционной экспертизы. Представляется, что процесс формирования правовых основ противодействия коррупции, был заложен в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции» [8], однако определение коррупциогенного фактора в законе отсутствует, в перечне мер по профилактике коррупции указывается в статье 6 об «антикоррупционной экспертизе». Затем были приняты Постановления Правительства РФ от 5 марта 2009 г. № 195 «Об утверждении Правил проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции» [4] и от 5 марта 2009 г. № 196 «Об утверждении методики проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции» [5]. Тем самым, предусмотрено проведение обязательной [9] независимой антикоррупционной экспертизы проектов федеральных нормативных правовых актов [3]. Утверждена Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [3]. Антикоррупционная экспертиза [9] проводится Генеральной прокуратурой России, Минюстом России, правовыми службами органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также институтами гражданского общества и гражданами. Продолжается разработка других элементов механизма противодействия коррупции, примерный перечень которых приведен в п. 8 Национальной стратегии противодействия коррупции [7], определяющей основные направления государственной антикоррупционной политики.

Дальнейшее развитие получили отдельные институты противодействия коррупции, в том числе совершенствуется правовое регулирование антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Антикоррупционная экспертиза определена в федеральном законе, установлена процедура экспертизы, приняты меры по реализации принципа «конкретизации положений федерального законодательства в актах органов власти» и в органах власти разработаны нормативные правовые акты, предусматривающие порядок проведения антикоррупционной экспертизы.

В тоже время, ряд проблем, связанных с природой антикоррупционной экспертизы, качеством правового регулирования, в том числе применением правил и методики проведения антикоррупционной экспертизы, остался неразрешенным.

Вместе с тем следует обратить внимание на формулировки постановлений Правительства РФ 2009 года, в которых наряду с указанием на нормативные акты и проекты нормативных актов упоминаются «и иные документы». Рассматривая системы правовых актов (нормативных и ненормативных) любого органа государственной власти и местного самоуправления, автор обращает внимание на значительную долю в этом объеме договоров (публичного и частного характера). Этот массив документов остался в тени исследования, не был подвергнут соответствующему регламентированию, выбыл из под контроля, как правоохранительной системы, так и контроля общественности.

В частности, институт независимой антикоррупционной экспертизы используется только в целях выявления коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах и проектах нормативных правовых актов. Встречаются случаи, когда эксперт выявляет такие факторы в иных правовых актах, утвержденных органами государственной власти или местного самоуправления (порядок обнародования не предусмотрен), и их указывает в заключении, а его мнение просто игнорируется, на основании того, что экспертиза проводится только при условии, что это нормативный правовой акт. Вместе с тем, массив «ненормативных», а тем более «смешанных» правовых актов значителен и достигает массы нормативных правовых актов, а в некоторых случаях в органах местного самоуправления превосходит их.

Следует отметить, что эффективность независимых экспертов и проведенных ими экспертиз крайне низкая, правовая природа независимой антикоррупционной экспертизы, предложенная система коррупциогенных факторов, субъекты проведения независимой антикоррупционной экспертизы и их статус не способны воздействовать на выявленные коррупциогенные факторы в «иных документах». Риски коррупционности этих документов повышаются в связи с отсутствием механизма контроля со стороны правоохранительных органов, уполномоченных на контроль за действиями органов власти и управления. Публичные и частные договоры органов, например, органов государственной власти и местного самоуправления не регистрируются, не публикуются, в том числе после проведения конкурсных мероприятий. В договорах заведомо закладываются условия, способствующие коррупционным явлениям, причем догово-

ривающиеся стороны находятся в неравном положении, а ссылки на «свободу» договора в соответствии со ст. 421 ГК РФ — неуместными. В таких договорах (аренды, купли-продажи недвижимого и иного имущества) усматриваются системные коррупционные факторы, способствующие коррупционным преступлениям.

Например, срочный договор аренды недвижимого имущества, заключенный между уполномоченным органом государственной власти либо местного самоуправления, и имеющим разработанный в полном объеме механизм его исполнения, либо расторжения по отдельным основаниям, может быть дополнен положением, по которому арендодатель «диктует свою волю» и может безосновательно в любой момент расторгнуть данный договор. В этом случае ни о какой свободе договора речи идти не может, а руководитель (возможно должностное лицо) арендатора поставлен в зависимое положение от воли должностного лица, возглавлявшего орган государственной власти или местного самоуправления. Такая же ситуация сложилась в системе контроля за договорами (публичными), заключенными между органами местного самоуправления, органами местного самоуправления и государственной власти, между органами государственной власти и хозяйствующими субъектами и т. д.

Среди таких документов, на взгляд автора, нередко встречаются документы с признаками нарушения антимонопольного законодательства, превышения должных полномочий, лоббизма и, соответственно, заслуживающих особого внимания и антикоррупционной экспертизы. Автор полагает, что осуществляя отдельные меры по противодействию коррупции, проведению экспертизы на коррупционность, необходимо раскрыть понятие «иные документы», определить их место в системе правовых актов, определить порядок обнародования, регистрации, а также экспертизы уполномоченными органами.

Эти меры необходимо осуществлять в связи с развитием методики определения коррупционных факторов. В настоящее время Методика системы коррупционных факторов уменьшена на шесть видов. В определенной степени оспорим отказ от признания коррупционными факторами системного характера, проявляющихся в наличии коллизий, присущих абсолютно всем нормативным правовым актам, по другим факторам оценка «иных документов» должна быть сохранена. Н.А. Лопашенко отмечает, что, «нарушение режима прозрачности информации» в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления — необходимое условие противодействия коррупции, ... поэтому отказ от такого фактора — «это путь назад в борьбе с таким злом, как коррупция» [2].

Развитию института независимой антикоррупционной экспертизы должно служить совершенствование антикоррупционной экспертизы в целом путем создания научно обоснованной системы коррупциогенных факторов. Например, методика проведения антикоррупционной экспертизы предусматривает такой коррупциогенный фактор как юридико-лингвистическая неопределенность. Следовательно, антикоррупционная экспертиза выступает не только разновидностью правовой, но и лингвистической экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Автор полагает, что в практике проведения антикоррупционной экспертизы не в полной мере используется потенциал именно лингвистической экспертизы. Развивая иные лингвистические системы, автор предлагает ввести процедуру лингвистической экспертизы по типу «антиплагиат», что будет способствовать укреплению законности и объективности проведенного исследования. Это позволит повысить эффективность антикоррупционной экспертизы и выработать более действенные приемы и способы выявления коррупциогенных факторов.

При проведении антикоррупционной экспертизы «документов» имеются значительные возможности реализации принципа Национальной стратегии противодействия коррупции — взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества. В этом направлении важно обеспечить координацию и взаимодействие всех субъектов антикоррупционной экспертизы в существующих формах (межведомственные советы, группы и пр.) [7].

Список литературы:

1. Гражданский Кодекс РФ (часть первая, часть вторая) [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.10.2014).
2. Лопашенко Н.А. Коррупциогенные факторы: опасная трансформация нормативного толкования // Законность, 2009, № 10.
3. Правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.10.2014).
4. Постановление Правительства РФ от 5 марта 2009 г. № 195 «Об утверждении Правил проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.10.2014).

5. Постановление Правительства РФ от 5 марта 2009 г. № 196 «Об утверждении методики проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.10.2014).
6. Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2010 г. № 72 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Рос. газ., 2010, 2 марта.
7. Указ Президента России от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010—2011 годы» // Рос. газ., 2010, 14 апреля.
8. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции»/[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.10.2014).
9. Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.10.2014).

ОБ ЭКСПЕРТИЗЕ НА КОРРУПЦИОГЕННОСТЬ НОРМАТИВНЫХ И ИНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент РГГУ,
зав. кафедрой частного права Филиала РГГУ,
РФ, г. Великий Новгород
E-mail: andreeva56@mail.ru*

EXAMINATION OF LEGISLATIVE FOR CORRUPTION AND OTHER LEGAL ACTS

Lybove Andreeva

*candidate of juridical sciences, associate professor,
head of the Department of private law
Branch of Russian state humanitarian University,
Russia, Velikiy Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам проведения экспертизы на коррупциогенность нормативных и иных правовых актов, последствий выявления коррупционных факторов, а также условиям их устранения.

ABSTRACT

The article is devoted to the examination for corruption regulations and other legal acts, the consequences of revealing corruption factors, as well as the conditions of their elimination.

Ключевые слова: коррупциогенный фактор; нормативно-правовой акт; порядок; методика; ненормативный правовой акт.

Keywords: corruption-factors; legal act; order; method; non-normative legal act.

Проблема разграничения нормативных и ненормативных правовых актов представляет собой не только научное, но и прикладное значение. Практическая сторона вопроса связана с проведением экспертизы на коррупциогенность, и хотя из формулировки постановлений Правительства РФ 2009 года, в которых наряду с указанием на нормативные акты и проекты нормативных актов упоминаются «и иные документы», не следует, что экспертиза документов и обнаружение коррупционных факторов, будут способствовать противодействию коррупции.

Трудности с определением нормативного характера того или иного официального документа встречаются достаточно часто. Например, подвергнут исследованию правовой акт поименованный «регламент», в части наличия в нем признаков нормативного акта, либо письмо любого министерства, на котором в большинстве случаев строится практика применения той или иной системы федеральных органов.

Обратимся к судебной практике, однако последняя, по разному подходит к решению проблемы. Например, Верховный Суд РФ ориентируется прежде всего на формальные признаки нормативного правового акта, в частности, издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом или должностным лицом (п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2007 № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» [12]). Акт, принятый с нарушением указанных требований, не будет признан нормативным, даже если содержит правила поведения, обязательные для неопределенного круга лиц [12]. Наоборот, для арбитражных судов содержание акта является приоритетным по отношению к признакам, определяющим его форму. Вопрос о том, носит ли тот или иной акт нормативный характер, надлежит разрешать независимо от его формы, иных условий, например, государственной регистрации, опубликования в официальном издании. Похожей позиции придерживается и Конституционный Суд.

При оспаривании нормативных правовых актов и проведении экспертизы на коррупциогенность могут возникнуть и другие препятствия. Например, проверка правового акта проводится только на предмет его соответствия иному нормативному правовому акту, обладающему большей юридической силой. Сходными особенностями обладают и другие официальные документы, в том числе акты, устанавливающие регулируемые цены (тарифы); акты об утверждении результатов государственной кадастровой оценки недвижимости; акты об утверждении ставок и порядка расчета арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности; акты о резервировании земельных участков для государственных, муниципальных нужд; акты об утверждении проектов планировки и проектов межевания территории, зон с особыми условиями использования территории; генеральные планы поселений, городских округов; схемы территориального планирования. Все эти направления правового регулирования имеют наивысшие коррупционные риски, но не могут быть подвергнуты экспертизе на коррупциогенность в связи с отсутствием признака нормативности. В связи с этим ряд

вопросов, связанных с разграничением нормативных и ненормативных правовых актов, а также порядком применения главы 23 АПК РФ «Рассмотрение дел об оспаривании нормативных правовых актов», непосредственно влияет на результаты противодействия коррупции. Вместе с тем, суд общей юрисдикции, может установить могут ли носить правовые акты как нормативный, так и ненормативный характер. ГПК РФ содержит специальную главу 24 «Производство по делам о признании недействующими нормативных правовых актов полностью или в части». Порядок оспаривания ненормативных правовых актов, за исключением подведомственных арбитражному суду, определяется главой 25 ГПК РФ «Производство по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих». Правильное определение нормативных и ненормативных актов как предметов судебного оспаривания имеет важное значение, поскольку порядок их судебной проверки (контроля) имеет свои особенности. От этого, зависит не только разная подсудность, но в определенных случаях и подведомственность дел, возникающих из публичных правоотношений. К подведомственности судов общей юрисдикции отнесены только те дела об оспаривании нормативных правовых актов, проверка которых не относится к исключительной компетенции Конституционного Суда РФ (ч. 2 ст. 125 Конституции РФ [4]), и дела, не относящиеся к компетенции арбитражного суда (ст. 29 АПК РФ) [5].

Как известно из общей теории права, правовой акт — родовое понятие, включающее как правотворческие (нормативные), так и правоприменительные (ненормативные, индивидуальные) акты. Рассматривая в течение нескольких лет до принятия нового ГПК РФ дела о нормоконтроле, суды сталкивались с проблемой разграничения нормативных и ненормативных правовых актов. Важным ориентиром для судов в разрешении этого вопроса служило определение нормативного правового акта, данное в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 1993 г. № 5 (в ред. от 21 декабря 1993 г., от 25 октября 1996 г., от 25 мая 2000 г. и от 24 апреля 2002 г.) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел по заявлениям прокуроров о признании правовых актов противоречащими закону» [11]. Под нормативным правовым актом указывался изданный в установленном порядке акт уполномоченного на то органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, устанавливающий правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неод-

нократное применение, действующие независимо от того, возникли или прекратились конкретные правоотношения, предусмотренные актом. Под правовым актом индивидуального характера указывался акт, устанавливающий, изменяющий или отменяющий права и обязанности конкретных лиц. Несмотря на то что п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 января 2003 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [11] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 1993 г. № 5 (с последующими изменениями и дополнениями) признано утратившим силу, в п. 12 этого же Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 января 2003 г. № 2 [11] содержится понятие нормативного правового акта, полностью совпадающее с ранее указанным. В целом под нормативным актом рассматривается результат правотворческой деятельности компетентных органов и должностных лиц государственной власти и местного самоуправления, он содержит в себе общеобязательные правила поведения (нормы), которые не персонализированы, а адресуются неопределенному кругу лиц, рассчитаны на постоянное или длительное применение. Соответственно, ненормативные (правоприменительные) акты носят индивидуально-разовый, индивидуально-определенный характер и принимаются в основном по организационно-распорядительным вопросам. Кроме того, нормативные и ненормативные акты отличаются по возможным последствиям их принятия. Г.А. Жилин отмечал, что поскольку нормативные акты устанавливают обязательные правила поведения для неопределенного круга лиц, рассчитаны на многократное применение, отрицательные последствия принятия нормативного акта, противоречащего требованиям права, неизмеримо возрастают по сравнению с принятием такого же индивидуального акта [3]. Однако, при наличии коррупционных факторов в нормативном и ненормативном правовом акте, автор полагает, что не следует указывать степень коррупционности.

Следует отметить, что нормативные и ненормативные акты различаются не только по содержанию, но и по порядку их принятия, регистрации, опубликования. Обязательным условием применения нормативных правовых актов является их официальное опубликование (ч. 3 ст. 15 Конституции РФ [4]), а для нормативных правовых актов федеральных органов государственной власти — их государственная регистрация в Министерстве юстиции РФ. Однако, факт отсутствия официального опубликования ненормативного акта, по мнению автора, еще больше усугубляет ситуацию, способствует непрозрачности

публичных правоотношений. В Верховном Суде РФ наблюдались различные подходы к неопубликованным нормативным правовым актам как предмету судебного нормоконтроля. С одной стороны, в судебной практике прослеживалась позиция, в соответствии с которой неопубликованный нормативный акт мог быть предметом судебного нормоконтроля. Вместе с тем, Верховным Судом РФ при рассмотрении дел по первой инстанции указывалось, что в этих случаях суду достаточно установить факт нарушения порядка регистрации и опубликования нормативного акта без проверки по существу доводов о незаконности содержания оспариваемого нормативного акта. С другой стороны, при рассмотрении заявлений о нормоконтроле по делам, подсудным Верховному Суду РФ по первой инстанции, заявителям отказывали в принятии заявлений об оспаривании неопубликованных и зарегистрированных в установленном порядке нормативных правовых актов. Таким образом, законодателем подчеркивалось, что правовой акт можно считать нормативным не только при наличии в нем содержательных признаков нормативного акта, а также при условии соблюдения его формы опубликования. Исходя из этого нормативный правовой акт в отличие от ненормативного должен издаваться в установленном законом порядке, что является одним из важных формальных признаков нормативного правового акта.

В этой связи автор подчеркивает, что опубликование либо регистрация в установленном порядке не влечет устранения коррупциогенных факторов.

Особые отношения возникают в ходе противодействия коррупции в бюджетной сфере и связаны в особенностями регулирования правового положения как субъектов правоотношений, так и объектов в области формирования бюджета. В финансовой сфере нормативные акты чередуются с ненормативными, составляют «цепочки» движения бюджетных средств, что в значительной степени затрудняет экспертизу на коррупциогенность нормативных и ненормативных финансовых документов.

Публичностью образований, выступающих в гражданском обороте в бюджетной сфере, характеризуются большими коррупционными рисками. В соответствии с законодательством по специальному поручению органов государственной власти федерации и субъектов федерации, местного самоуправления материальные и финансовые активы закрепляются: за государственными (муниципальными) предприятиями и учреждениями на праве хозяйственного ведения или оперативного управления; а средства бюджета и иное имущество,

им передаются. Коррупционный ряд представляется во множественности субъектов, в том числе на уровне субъектов федерации, муниципалитетов. Публичность действий органов государственной власти и местного самоуправления для минимизации коррупционных рисков в части контроля бюджетных отношений, требует разработки механизма, который бы установил не только надлежащий порядок учета средств, но и персонифицировал передачу средств во исполнение правовых актов (нормативных и ненормативных), во избежание превышения должностных полномочий либо установления коррупционных договорных отношений. Таким образом, учет бюджетных доходов и расходов средств, во многом становится не прозрачным, минимизируются публичные отношения по вопросам обсуждения и утверждения бюджетов представительными органами власти и местного самоуправления. Вместе с тем, постоянное изменение параметров бюджетов не способствует обеспечению общественного контроля за расходованием средств. Публичность процесса установления имущественных отношений и бюджета требуют выработки определенности в полномочиях должностных лиц соответствующих уровней, выработки дополнительных регламентных условий их работы и контроля нормативных и ненормативных правовых актов.

К критериям «высокой» степени участия должностных лиц в осуществлении коррупционно-опасных функций следует отнести лиц, в должностные обязанности которых входит: право решающей подписи; подготовка и визирование проектов решений; участие в коллегиальных органах, принимающих решения; составление акта проверки, выдача предписания об устранении нарушений и контроль за устранением выявленных нарушений; непосредственное ведение реестров, баз данных, содержащих «коммерчески» значимую информацию. Признавая важность противодействия коррупции в финансовой сфере, законодатель определил полномочия всех органов государственного финансового контроля, выделил три группы органов государственной власти, осуществляющих государственный финансовый контроль: органы государственного финансового контроля законодательных и представительных органов власти, органы государственного финансового контроля исполнительных органов власти и подразделения внутреннего контроля исполнительных органов власти. Вместе с тем, не многие из них обладают правом законодательной инициативы, не проводится экспертиза на коррупциогенность нормативных и ненормативных правовых актов.

В настоящее время требуются новые подходы, позволяющие обеспечить надлежащее противодействие коррупционным рискам, повышение прозрачности нормативных и ненормативных правовых актов органов государственной власти и местного самоуправления, разработке процедур контроля со стороны общественности и граждан.

Список литературы:

1. Арбитражно-процессуальный Кодекс РФ/[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.10.2014).
2. Гражданско-процессуальный Кодекс РФ/[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.10.2014).
3. Жилин Г.А. Судебное признание юридических актов недействительными по заявлениям прокуроров. Комментарий судебной практики. Вып. 5. М., 1999. — С. 105.
4. Конституция Российской Федерации, принята 1993 год [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.10.2014).
5. Медведев И.Р. Оспаривание неопубликованных (незарегистрированных) нормативных правовых актов: последняя практика Верховного Суда Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 11, 12.
6. Правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.10.2014).
7. Постановление Правительства РФ от 5 марта 2009 г. № 195 «Об утверждении Правил проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции» [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.10.2014).
8. Постановление Правительства РФ от 5 марта 2009 г. № 196 «Об утверждении методики проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.10.2014).
9. Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2010 г. № 72 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Рос. газ., 2010, 2 марта.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 1993 г. № 5 (в ред. от 21 декабря 1993 г., от 25 октября 1996 г., от 25 мая 2000 г. и от 24 апреля 2002 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.10.2014) утратило силу.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 января 2003 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.10.2014).
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2007 № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.10.2014).
13. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.10.2014).
14. Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.10.2014).

СЕКЦИЯ 3.

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОГОВОРА О РЕАЛИЗАЦИИ ТУРИСТСКОГО ПРОДУКТА, ЗАКЛЮЧАЕМОГО ПОТРЕБИТЕЛЕМ С ТУРИСТИЧЕСКИМ АГЕНТСТВОМ

Полотовская Елена Юрьевна

*канд. юрид. наук, заместитель директора
сети фирменных офисов туроператора «Санрайз Тур»,
РФ, г. Орел*

E-mail: elenapolotovskaya@yandex.ru

SEPARATE PROBLEMS OF THE AGREEMENT ABOUT THE REALIZATION OF TOURIST PRODUCT, CONCLUDED BY USER WITH THE TOURIST AGENCY

Polotovskaia Elena

*candidate of juridical sciences, deputy director
of the network of the firm offices of turoperator "Sunrise Tour",
Russia, Orel*

АННОТАЦИЯ

В статье автор анализирует предмет договора о реализации туристского продукта, заключаемого потребителем с туристическим агентством. Выявляется противоречие в предмете договора и предлагается возможный путь его устранения. Кроме того, автор обосновывает, что при совершении сделки с туристическим агентством потребитель является слабо защищенной стороной.

ABSTRACT

The author analyzes the object of the agreement about the realization of the tourist product, concluded by user with the tourist agency, in this article. Contradiction in the object of agreement is revealed and the possible

way of its elimination is proposed. Furthermore, the author substantiates, that during the accomplishment of transaction with the tourist agency the user is the weakly protected side.

Ключевые слова: туристский продукт; потребитель; туристическое агентство; договор; предмет; реализация.

Keywords: the tourist product; the user; the tourist agency; the agreement; the object; the realization.

Конституция Российской Федерации в ч. 5 ст. 37 провозглашает всеобщее право на отдых и гарантирует ежегодный оплачиваемый отпуск работающим по трудовому договору [5, с. 3].

В целях реализации своего конституционного права на отдых потребители, традиционно, обращаются в организации, осуществляющие деятельность по продвижению и реализации туристского продукта — туристические агентства. При этом потребитель становится участником достаточно сложной системы взаимодействия «Турист-Туристическое агентство-Туристический оператор», характеризующейся сплетением гражданско-правовых договоров, острых и неразрешенных вопросов ответственности участников этой системы.

Желая приобрести туристическую путевку, потребитель сталкивается с необходимостью заключения договора о реализации туристского продукта с туристическим агентством согласно нормам ст. ст. 10, 10.1 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [10, с. 5].

Устанавливая существенные условия договора о реализации туристского продукта, заключаемого потребителем с туристическим агентством, Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», как специальный нормативный правовой акт, действующий в сфере туризма, не содержит указания на объем ответственности туристического агентства как стороны договора о реализации туристского продукта.

Данное обстоятельство является пробелом туристического законодательства, который необходимо восполнить, особенно в сложившейся в настоящее время ситуации на рынке туристских услуг, связанной с несостоятельностью (банкротством) более десяти туристических операторов [7].

Потребитель в таком случае становится слабо защищенной стороной [1, с. 641] в силу следующих причин:

1. ответственность за качество туристского продукта, в том числе осуществление авиаперевозки, размещение туриста в стране

пребывания, страхование и прочее, в полном объеме возложена на туристического оператора (ст. 9 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [10, с. 5], Постановление Правительства Российской Федерации от 18.07.2007 № 452 «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта» [9]), независимо от того, кем должны были оказываться или оказывались услуги, входящие в состав туристского продукта;

2. договор о реализации туристского продукта потребитель, как правило, заключает не с туристическим оператором (у последнего, как показывает практика, может и не быть розничных офисов продаж, а его работа строится по схеме “business to business” — «бизнес для бизнеса», означающей, что туристический оператор реализует сформированный им туристский продукт только туристическим агентствам, а не физическим лицам [3]), а непосредственно с туристическим агентством (которое ст. 9 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» наделено правом заключать договор о реализации туристского продукта с туристом, как от имени туристического оператора, так и от своего имени [10, с. 5]).

Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта» устанавливают существенные условия договора о реализации туристского продукта и не содержат четкого требования к предмету данного договора. Исходя из содержания нормы п. 1 ст. 779 Гражданского кодекса Российской Федерации, предметом анализируемого договора должна являться непосредственно реализация туристского продукта.

Дефиниция понятию «реализация туристского продукта» содержится в ст. 1 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»: «... — деятельность туроператора или турагента по заключению договора о реализации туристского продукта с туристом или иным заказчиком туристского продукта, а также деятельность туроператора и (или) третьих лиц по оказанию туристу услуг в соответствии с данным договором» [10, с. 1].

Под реализацией услуги, продукции, работы принято понимать «...передачу на возмездной основе (в том числе обмен товарами, работами или услугами) права собственности на товары, результатов выполненных работ одним лицом для другого лица, возмездное оказание услуг одним лицом другому лицу, ... передачу права собственности на товары, результатов выполненных работ одним

лицом для другого лица, оказание услуг одним лицом другому лицу — на безвозмездной основе» (п. 1 ст. 39 Налогового кодекса Российской Федерации) [6, с. 10].

Таким образом, реализация услуги, продукции и работы подразумевает под собой передачу права собственности, соответственно, на услугу, продукцию или работу.

Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» определяет туристский продукт как «... — комплекс услуг по перевозке и размещению, оказываемых за общую цену (независимо от включения в общую цену стоимости экскурсионного обслуживания и (или) других услуг) по договору о реализации туристского продукта» [10, с. 1].

Если исходить из законодательного определения, согласно которому туристский продукт представляет собой услугу, то появляется противоречие в предмете договора о реализации туристского продукта, заключаемого туристическим агентством с потребителем и требующего уточнения его правовой природы [7, с. 14]. Данное противоречие заключается в следующем.

Несмотря на то, что при заключении договора о реализации туристского продукта потребитель уплачивает денежные средства именно за туристский продукт, в результате он не получает саму туристическую услугу (которая включает в себя, но не ограничиваясь этим, размещение в стране пребывания, перевозку, страхование), а лишь гарантию ее оказания, подтвержденную подписанным договором о реализации туристского продукта, бланком строгой отчетности (туристической путевкой), перевозочными документами, ваучерами на размещение и доставку до средства размещения, страховым полисом.

Между тем, туристский продукт может рассматриваться и как единица товара [2]. Отметим, что реализация товара предполагает передачу права собственности. В свою очередь передача права собственности на имущество предполагает наличие указанного вещного права на это имущество у лица, передающего его (ст. ст. 218, 235 Гражданского кодекса Российской Федерации) [4, с. 37—38].

При заключении потребителем договора о реализации туристского продукта с туристическим агентством последний должен обладать правом собственности на реализуемый туристский продукт, приобретаемое в результате заключения с туристическим оператором договора, например, купли — продажи, туристского продукта.

Однако, как показывает практика, туристические агентства сотрудничают с туристическими операторами посредством заключения агентского договора, суть которого состоит в том, что туристическое

агентство обязуется по поручению туристического оператора от своего имени, но за счет последнего, реализовывать туристские продукты, сформированные туристическим оператором, который обязуется выплачивать туристическому агентству вознаграждение. Таким образом, туристическое агентство не обладает и в данном случае не может обладать правом собственности на туристский продукт, а, следовательно, не обладает способностью к реализации туристского продукта.

Исходя из положений действующего в сфере туризма законодательства Российской Федерации, а также практики его применения автор приходит к выводу о том, что туристическое агентство оказывает потребителю услугу только лишь по подбору и бронированию туристского продукта, а непосредственную реализацию туристского продукта осуществляет туристический оператор.

В связи с изложенным полагаем целесообразным ввести на законодательном уровне положение, в соответствии с которым между потребителем и туристическим агентством должен заключаться не договор о реализации туристского продукта, а договор возмездного оказания услуг по подбору и бронированию туристского продукта.

Список литературы:

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М.: Статут, 1997.
2. Вокруг света. Туристский продукт. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [https:// http://vokrug-sveta.com.ua/turisticheskiy-produkt.html](https://http://vokrug-sveta.com.ua/turisticheskiy-produkt.html) Дата обращения 20.10.2014.
3. В2В. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/B2B> Дата обращения 19.10.2014.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>. Дата обращения 05.05.2014.
5. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2014. 4 августа. № 31. — Ст. 4398.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>. Дата обращения 06.10.2014.
7. Новости. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.russiatourism.ru/> Дата обращения 16.10.2014.
8. Отческий И.Е. Защита прав потребителей в обязательствах по возмездному оказанию туристских услуг: Автореф. дис. ... к-та юрид. наук. М., 2012.

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 18.07.2007 № 452 «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>. Дата обращения 13.09.14.
10. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>. Дата обращения 04.05.2012.

СЕКЦИЯ 4.

ЗЕМЕЛЬНОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

ОБОРОТ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

Ивлева Анна Филипповна

канд. юрид. наук,

доцент кафедры конституционного и муниципального права

Юридического института Северного (Арктического)

федерального университета имени М.В. Ломоносова,

РФ, г. Архангельск

E-mail: anna.ivleva@bk.ru

THE TURNOVER OF LAND AS AN OBJECT OF LEGAL PROTECTION UNDER THE LEGISLATION OF RUSSIA

Anna Ivleva

PhD, associate professor

of constitutional and municipal law department, law faculty,

Northen (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,

Russia, Arkhangelsk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу правового механизма охраны отношений в сфере оборота земельных участков. При рассмотрении направлений правовой охраны земельных отношений имущественного характера сделан акцент на содержании уголовно-правовой охраны оборота земельных участков, дана оценка роли уголовно-правовых норм в обеспечении законности оборота земельных участков.

ABSTRACT

The article is devoted to analysis of the legal framework for the protection of relations in the sphere of turnover of land plots. When considering the areas of legal protection of land relations of property character focuses

on the content of the legal protection of turnover of land, assessed the role of criminal law in ensuring the legality of the turnover of land plots.

Ключевые слова: оборот земельных участков; правовая охрана земельных отношений; ответственность за нарушения законодательства.

Keywords: the turnover of land plots; legal protection of land relations; responsibility for violation of legislation.

Понятие «оборот земельных участков» вошло в российский научный и практический обиход с началом коренного реформирования экономической системы в 90-х годах XX века. Преобразования в земельной сфере стали составной частью масштабных экономических мероприятий и были непосредственно связаны с изменением всей системы сложившихся земельных отношений на основе введения многообразия форм собственности на землю. Подход законодателя к регулированию земельных отношений принципиальным образом изменился. Земельная реформа была ориентирована на обоснованное перераспределение земель для сельскохозяйственного производства, на вовлечение земельных участков в гражданский оборот, и, как следствие, на формирование широкого слоя частных собственников.

К концу 2001 года было принято большинство актов, составляющих нормативно-правовую основу рынка земли, однако, формирование правовой базы оборота земельных участков продолжилось в соответствии с потребностями современных экономических условий.

В настоящее время обеспечение законности земельного оборота является одной из важнейших задач государства, решение которой осуществляется посредством определенного механизма правовой охраны земельных отношений. Данный механизм носит комплексный характер, поскольку воздействует на все виды общественных отношений, складывающихся в земельной сфере России, а в качестве средств охраны применяются правовые нормы различной отраслевой принадлежности.

Отношения, складывающиеся в сфере оборота земель, по своей природе относятся к регулятивным общественным отношениям. Однако, и в теории права (безотносительно какой-либо сферы отношений) и в земельно-правовой науке выделяют охранительные земельные отношения, имеющие место в случаях нарушения земельного правопорядка, влекущие применение мер правовой ответственности и возмещение вреда, причиненного нарушением земельного законодательства. Содержание охранительных земельных отношений определяется характером нарушений законодательства,

являющихся основанием возникновения конкретных видов юридической ответственности, определяющих формы и порядок воздействия на нарушителей.

Виды ответственности за правонарушения в области использования и охраны земель обозначены в главе XIII Земельного кодекса Российской Федерации [3] и включают: административную, уголовную, гражданско-правовую, дисциплинарную. Нормы данной главы носят отсылочный характер, что требует обращения к иным нормативным правовым актам — Гражданскому кодексу Российской Федерации [1; 2], Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях [4], Уголовному кодексу Российской Федерации [6] (далее — УК РФ), Трудовому кодексу Российской Федерации [5].

Касаясь вопроса эффективности различных видов юридической ответственности необходимо подчеркнуть, что в законодательстве четко обозначен приоритет публичных интересов над частными в правовом регулировании имущественных земельных отношений. Целесообразным представляется аналогичный подход и к вопросу правовой охраны земельного оборота. В этих целях для обеспечения соблюдения субъектами земельных отношений установленных законодательством требований ведущую роль следует предоставить публичным видам юридической ответственности.

Вместе с тем, нельзя отрицать значимость императивных обязывающих норм земельного и гражданского законодательства, которые регламентируют должное поведение участников рынка земли. Нормы гражданского законодательства об ответственности за нарушения установленного порядка совершения сделок с земельными участками являются основным, но, как показывает практика, не всегда эффективным средством обеспечения соблюдения прав и законных интересов участников земельного оборота.

Публичные виды ответственности являются более действенными, так как представляют собой реакцию государства на совершенное правонарушение и предусматривают применение к нарушителю наказания, вид которого зависит от признаков содеянного, а также от наличия отягчающих либо смягчающих наказание обстоятельств. Привлечение лица к административной и уголовной ответственности не зависит от воли потерпевшего, за исключением случаев привлечения к ответственности по делам частного обвинения. Применение мер гражданско-правовой ответственности, напротив, зависит от воли конкретного лица — потерпевшего, и именно он решает, к какому из предусмотренных законом способов защиты нарушенного права прибегнуть, определяя как формы, так и пределы

ответственности нарушителя. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении дисциплинарной ответственности, наложение которой также зависит от воли работодателя — физического либо юридического лица. Даже в тех случаях, когда организация основана на государственной форме собственности, основания для оценки дисциплинарной ответственности как реакции государства на правонарушение отсутствуют, поскольку юридическое лицо, являясь работодателем по отношению к нарушителю, выступает в этом качестве как субъект частного права.

Следует помнить о том, что социальная эффективность юридической ответственности тем сильнее, чем строже применяемые в ее рамках санкции в отношении нарушителя. По данному критерию, безусловно, уголовная ответственность является самым строгим из предусмотренных российским законодательством видов юридической ответственности.

Конкретизация задач уголовного законодательства, сформулированных в ст. 2 УК РФ применительно к области земельных отношений, дает основание сделать вывод о том, что, во-первых, данные отношения включены в круг объектов уголовно-правовой охраны, во-вторых, о многосторонней направленности действия уголовно-правовых норм. В частности, задача охраны собственности предполагает наказуемость посягательств на земельные участки как объекты имущественных прав.

Уголовно-правовая охрана оборота земельных участков осуществляется по двум направлениям.

Первое направление носит общий характер и предусматривает ответственность за преступления против собственности, а также за деяния, посягающие на установленный порядок гражданского оборота. Речь в данном случае идет о таких преступлениях, как мошенничество (ст. 159 УК РФ), вымогательство (ст. 163 УК РФ), легализация имущества, полученного преступным путем (ст.ст. 174, 174.1 УК РФ), принуждение к заключению сделки или отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ).

Второе направление носит специальный характер и выражается в наличии в уголовном законодательстве состава регистрации незаконных сделок с землей, предусмотренного ст. 170 УК РФ, непосредственным объектом которого является установленный порядок оборота земельных участков.

Касаясь вопроса юридической ответственности за нарушения земельного законодательства, нельзя не затронуть вопрос о соотношении различных видов ответственности. Во многих случаях один

и тот же земельно-правовой деликт может повлечь различные виды ответственности. В частности, взаимодействие уголовной и гражданско-правовой ответственности проявляется в возможности применения к лицу, совершившему преступление, помимо уголовного наказания также мер гражданско-правовой ответственности. Тем самым, происходит одновременно защита публичного интереса уголовно-правовыми средствами и частных интересов субъектов земельных отношений с помощью гражданско-правовых механизмов. Административная и уголовная виды ответственности преследуют штрафную и превентивную цели, тогда как основной целью гражданско-правовой ответственности является восстановление имущественного положения потерпевшего лица.

Современное состояние криминологической ситуации на рынке земли, устойчивое воздействие криминогенных факторов, детерминирующих преступность в данной сфере, позволяет утверждать, что отношения по обороту земельных участков нуждаются в повышенной правовой защите. В этой связи уголовно-правовые средства приобретают особое значение как наиболее эффективные с точки зрения их карательного и превентивного воздействия. Иные меры правовой охраны, как показывает практика, не способны сдерживать рост противоправного поведения на рынке земли.

Признавая важную роль уголовно-правовых норм, нельзя рассчитывать только на них и рассматривать уголовное право как средство решения всех экономических проблем. Одним из направлений совершенствования отечественного законодательства должно стать достижение согласованности и системного единства норм УК РФ и положений регулятивных отраслей права. Оптимизация системы правовой охраны отношений в сфере оборота земель может быть достигнута за счет применения мер гражданско-правового, административного, дисциплинарного и уголовного воздействия с четко выраженным публично-правовым уклоном.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее — СЗ РФ). — 2001. — № 44. — Ст. 4147.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 1.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 3.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

СЕКЦИЯ 5.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМНЫХ СФЕР ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ДЕТЕЙ НА ЗАЩИТУ ЗДОРОВЬЯ И ПРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Дорогова Евгения Вадимовна

ассистент кафедры

*Государственных и гражданско-правовых дисциплин
факультета ПСПО ФГБОУ ВПО ЮУрГУ (НИУ)*

РФ, г. Челябинск

E-mail: evgeniya2406@yandex.ru

CHILDRENS TOYS AS A PROBLEM AREAS TO REALIZE THE RIGHTS OF CHILDREN TO PROTECTION OF HEALTH OR MORALS DEVELOPMENT

Dorogova Eugene

assistant of state and civil disciplines

*department faculty of Law enforcement officials training
in the FSSFEI HPE "SUSU" (National Research University),*

Russia, Chelyabinsk

АННОТАЦИЯ

В статье автором рассматриваются проблемные вопросы, связанные с отнесением детских игрушек к сфере регулирования Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию». Предлагается внести изменения в понятие информационной продукции в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию». Рассматривается вопрос отнесения аудио-продукции к информационной продукции.

ABSTRACT

In this article the author discusses the problematic issues related to the allocation of children's toys to the regulation of the Federal Law "On Protection of children from information harmful to their health and (or) development." Proposes to amend the concept of information products in the Federal Law "On Protection of children from information harmful to their health and (or) development." The question of classifying audio products as information products.

Ключевые слова: информационная продукция; игрушки; защита; знак информационной продукции.

Keywords: information products; toys; security; sign information products.

Современное общество развивается стремительно, вынуждая государство обеспечивать и поддерживать его развитие с помощью совершенствования всех отраслей жизни. Изменениям подвергается и право. Возникают новые правовые положения, нормы, институты, отрасли, а прежние, изменяются и дополняются. Столь быстрое развитие общества стало возможно благодаря формированию международного свободного информационного поля и, как следствие, многообразию информации. Однако, как отмечает Минбалеев А.В., «общественность уже осознала не только положительный эффект от использования информации, но и негативный, поэтому сегодня постепенно начался переход от принципа открытости информации к ограничению доступа и использования отдельных сведений» [1, с. 4]. Мировое общество давно стремится к формированию безопасного информационного поля, которое при этом не нарушало бы права на свободу информации. В российской действительности давно назрел вопрос о необходимости законодательного регулирования распространения информационной продукции, содержащей безопасную информацию, и это привело к принятию Федерального закона Российской Федерации «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию» [2].

Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию» внёс новые термины, и хотя ряд понятий имеют законодательно закреплённые формулировки, некоторые определения всё равно рождают неясности в понимании, и как следствие, проблемы в применении существующих норм права к неоднозначным общественным отношениям в сфере распространения информации. Одной из таких проблем является отсутствие обязанности

у производителя наносить знак информационной продукции на детские игрушки. Необходимо разобраться с тем, что понимается под игрушками, достаточно ли существующей законодательной защиты детей от вредной информации в сфере оборота детских игрушек, и относятся ли игрушки к информационной продукции.

В п. 3 ст. 14 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» содержится положение о том, что в целях охраны здоровья и нравственности ребёнка проводится экспертиза (социальная, психологическая, педагогическая, санитарная) игрушек [3]. Согласно статье 2 Технического регламента Таможенного союза ТР ТС 008/2011 «О безопасности игрушек» под игрушкой понимается «изделие или материал, предназначенные для игры ребенка (детей) в возрасте до 14 лет» [4]. В самом техническом регламенте перечислены требования к физической безопасности игрушек, то есть к их материалам, конструкции, но не к содержанию. Несмотря на то, что производитель обязан определить для какого возраста предназначена игрушка (существует всего три вида возрастной классификации — от 0 до 3, от 3 до 5, от 5 до 14), в некоторых случаях вызывает сомнение адекватность такой классификации. Вот один из таких случаев: особой популярностью в магазинах на данный момент пользуются куклы из серии “MONSTER HIGH” — это куклы, созданные по мотивам историй об известных зловещих персонажах: Дракулой, Франкенштейном, Призраком Оперы, Медузой Горгоной, а также самых разнообразных оборотней, привидений и зомби. Куклы предназначены для детей старше трёх лет — так написано на упаковке, но если разобраться с этико-эстетическими характеристиками данных изделий, то возникают сомнения по поводу установленного производителем возрастного ограничения. Не вызывают ли такие игрушки у ребёнка чувства ужаса или страха, не влияют ли отрицательно такие игрушки на формирование традиционного полового воспитания — к сожалению, такие вопросы совсем не обязательны при проведении экспертизы производителем, так как данный вопрос не включён в сферу действия Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию». Под информационной продукцией в Федеральном Законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию» понимается «предназначенные для оборота на территории Российской Федерации продукция средств массовой информации, печатная продукция, аудиовизуальная продукция на любых видах носителей, программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ) и базы данных, а также информация, распространяемая

посредством зрелищных мероприятий, посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей подвижной радиотелефонной связи» [2]. Возьмём, например, такую игрушку, как Детский развивающий центр (ST-703), которая представляет собой детский развивающий планшет с библиотекой, содержащей большое количество детских книг, обучающих игр и мультфильмов и предназначенный для детей старше двух лет. Вполне справедливо будет заметить, что данная игрушка является электронным носителем аудиовизуальной продукции, которая должна иметь знак информационной продукции. Возможно, данный пробел устранится в случае дополнения рассмотренного законодательного определения словами «аудиовизуальная продукция на любых видах носителей, в том числе детские игрушки, содержащие аудиовизуальную продукцию». В этом случае, если контент, содержащийся в подобных развивающих игрушках не будет соответствовать возрастной классификации, то появится возможность выявлять и устранять такое нарушение путём привлечения к ответственности недобросовестного производителя, а значит, эффективность защиты детей от вредной информации возрастёт. Однако, это не все проблемы, касающиеся детских игрушек. В последние годы рынок детских товаров наполнен интерактивными игрушками, например, возьмём игрушку «Бёрди», представляющую собой мягкую игрушку, которая способна общаться с детьми, играть с ними — побуждает к действиям, разговаривает, поет, рассказывает сказки, повторяет слова, сказанные ребёнком, меняет свои движения и сигналы, ориентируясь на поведение ребёнка, реагирует на прикосновения, хлопает глазами-экранами. Такие игрушки представляют собой своего рода носитель аудио-продукции, но нельзя отнести её к предыдущему примеру, так как в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию» к информационной продукции не относится аудио-продукция, а значит, производителей аудио-сказок и песен нельзя обязать проводить экспертизу и возрастную классификацию. Остаётся неясным, почему законодатель пропустил аудио-продукцию, ведь в современном музыкальном творчестве не каждый результат подходит для детского прослушивания: встречаются и нецензурные выражения в песнях, и аудио-книги, с недетскими текстами, при этом художественная оправданность и культурная ценность этих произведений сомнительна. К тому же следует отметить, что в модельном законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», принятом на тридцать третьем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи

государств-участников СНГ Постановлением от 3 декабря 2009 года № 33-15 в понятие информационной продукции также входили фонограммы, детские настольные игры и электронные игры [5].

Хотелось бы отметить, что игрушки — это одна из основных категорий детских товаров и, учитывая, что в современном технически развитом обществе они зачастую содержат информационную продукцию, следует внести данные виды товаров в сферу действия Федерального Закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию». Безусловно, это не решит всех проблем обеспечения информационной безопасности детям, но существенно повысит эффективность реализации норм Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию», а возможно, заставит производителей и распространителей детских игрушек ответственнее подходить к вопросу экспертизы.

Список литературы:

1. Минбалеев А.В. Система информации: Теоретико-правовой анализ: диссертация на соиск. уч. ст. к.ю.н. Специальность 12.00.14 Административное право; Финансовое право; Информационное право /А.В. Минбалеев; Науч. рук. В.И. Майоров. Челябинск. 2006. — 271 с.
2. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ // Российская газета. 2010. № 5376.
3. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ (в ред. от 02.12.2013) // Российская газета. 1998. № 147.
4. О безопасности игрушек: Технический регламент ТР ТС 008/2011 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 04.10.2014 г.)
5. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Модельный закон. Принят на 33 Пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ Постановлением от 3 декабря 2009 года № 33-15 // База данных — Законодательство стран СНГ. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=62134(дата обращения: 04.10.2014 г.).

СЕКЦИЯ 6.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

«ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ» И «ИНТЕГРАЦИЯ» В КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Петров Дмитрий Евгеньевич

*канд. юрид. наук, доцент
кафедры теории государства и права, ФГБОУ ВПО
«Саратовская государственная юридическая академия»,
РФ, г. Саратов*

E-mail: dpetrov.saratov@mail.ru

"DIFFERENTIATION" AND "INTEGRATION" IN THE CATEGORICAL APPARATUS OF MODERN LEGAL SCIENCE

Petrov Dmitrii

*candidate of legal Sciences, associate professor
of the Department of Theory of State and Law,
FSBEI HPE "Saratov state law Academy",
Russia, Saratov*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются общенаучные и методологические основы исследования категорий «дифференциации» и «интеграции» в понятийном аппарате юридической науки. Особое внимание уделяется обоснованию необходимости восприятия «дифференциации-интеграции» как категориальной пары.

ABSTRACT

In article general scientific and methodological basics of research of the categories «differentiations» and «integration» in a conceptual framework of jurisprudence are covered. The special attention is paid to justification of need of perception of «differentiation-integration» as categorial couple.

Ключевые слова: дифференциация права; интеграция права; система права; юридические категории; методология права.

Keywords: differentiation of law; integration of law; system of law; legal category; methodology of law.

В современной юридической науке усиливается тенденция по оперированию понятиями и категориями, выражающими те или иные связи и отношения в правовой действительности. К их числу относятся понятия управления, организации, системы, механизма, структуры, связи, отношения и т. п. [3, с. 44]. Следует подчеркнуть, что для отражения в теории таких явлений и социальных процессов, как функции, организованность, системность методологически не подходят субстратные понятия, создающие исключительно картину «морфологии» объекта, его состава. Уже анализ простейших взаимодействий в правовой сфере общества показывает необходимость другого понятийного аппарата, а когда объектом познания становится изучение системных юридических объектов, то их строение, динамику развития и функционирования оказывается возможным отразить в теории только совокупностью адекватных научных средств.

К числу таковых общенаучных средств следует отнести и категориальную пару «интеграция-дифференциация». Согласимся с И.В. Блаубергом и Э.Г. Юдиным в том, что «объекты современного научного познания требуют не просто расширения существующего концептуального аппарата, но именно нового категориального строя, новой системы понятий» [3, с. 44]. Однако поскольку потребность в такой системе существует и в юриспруденции, то она, безусловно, находит свое частичное удовлетворение. Новые понятия в правоведении нацелены на решение задач качественно нового типа, соседствуя с устоявшимся в науке категориальным аппаратом.

При исследовании системности норм права следует учитывать, что такое качество им придают функциональное «разделение труда» между ними, их функциональная специализация. Это качество предполагает не столько отнесение норм к отдельным частям права, сколько их связь с другими нормами соответствующего института, нормами других институтов и отраслей права и их взаимодействие в процессе регулирования общественных отношений [13, с. 50]. Данное положение свидетельствует о диалектической связи процессов дифференциации и интеграции правовой материи. Дифференцируясь функционально, нормы права создают основу для последующей их интеграции в рамках институтов и отраслей права, а также обеспечивают межотраслевую интеграцию.

Обозначенные исходные методологические установки позволяют утверждать, что одним из важнейших моментов в исследовании процессов дифференциации и интеграции в праве является их анализ на различных «этажах», уровнях строения системы права. Уровни права отражают иерархические связи между нормами права.

Такой традиционно используемый в общетеоретическом описании правовых явлений формально-логический прием как классификация не решает исследовательской задачи по уровневому анализу системы права. Изучение системных параметров сложных объектов не требует рассмотрения всех возможных вариантов и критериев для классификации, будь то самих систем, их структурных элементов или происходящих в них процессов. В подобных ситуациях следует применять особый вид классификации – типологию, которая проводится по наиболее существенному параметру, раскрывающему глубинные процессы отражаемого явления. При исследовании системы права требуется определить типы процессов дифференциации и интеграции в праве и соответственно проанализировать их на различных уровнях — на первичном (элементарном) уровне, институциональном, отраслевом. Простая классификация видов дифференциации и интеграции в праве, несмотря на возможность выделения значительного числа ее критериев, не позволяет учесть структурной сложности права, а также диалектики внутренних и внешних факторов, детерминирующих рассматриваемые процессы.

Определение системоинтегрирующих и системодифференцирующих факторов, их соотношения и взаимосвязи — важнейшая методологическая установка структурного анализа сложноорганизованной системы и является необходимым условием не просто дескриптивно-описательного отображения, а конструктивного, объяснительного исследования системы права в виде ее сущностного анализа и прогнозирования развития, связанных, в конечном итоге, с модернизацией законодательства и совершенствованием правоприменительной практики. «Установление системообразующих, системосохраняющих и системоразрушающих факторов является исходным пунктом системного анализа, — полагал В.А. Ганзен. — Следующий шаг заключается в определении функций и структур ... после чего изучаются состояния и процессы, свойства и поведение систем» [4, с. 161].

В настоящее время можно констатировать, что категориям «дифференциация» и «интеграция» в методологии науки отводится особое место в общетеоретическом описании системы современного общества. Накопленный методологией науки положительный опыт

оперирования указанными понятиями должен найти свое применение и в юриспруденции, в частности, в исследованиях системы российского права. Однако юридическая наука, как представляется, не должна некритично заимствовать готовое общенаучное знание и не вправе «нарядить» уже известные теоретико-правовые положения о системе права в «новые» методологические «формы». Категории «дифференциация» и «интеграция», используемые в общей теории систем и в гуманитарных науках, должны получить свое надлежащее преломление в правоведении с учетом специфики государственно-правовой сферы жизни общества. Посредством внедрения новых конструкций в понятийные ряды общей теории права должно быть получено вполне конкретное новое знание о строении системы права, происходящих в ней процессах, открыты новые закономерности выделения структурных образований, элементов в праве.

Двух абсолютно сходных правовых общностей (объединений правовых норм или институтов) в структуре российского права нет. При этом чем детальнее сравниваются системные образования, тем больше различий между ними. Несхожесть элементов системы права обусловлена неоднородностью внутренней и внешней среды. Под внешней средой в данном случае понимается система общественных отношений, которая не только однажды породила потребность в возникновении права как особого инструмента управления, но и продолжает оказывать детерминирующее воздействие на него в течение всей его истории. Именно многообразие существующих социальных отношений и связей является одной из движущих причин дифференциации норм, институтов, отраслей и иных структурных общностей в праве.

Благодаря надлежащему уровню процессов дифференциации и интеграции в системе российского права становится возможным обеспечение таких ее важных свойств и параметров, как: регулятивная способность; устойчивость к внешним изменяющимся воздействиям (адаптационная пластичность) и способность к развитию. «Высокий уровень разнообразия структурных составляющих системы, обилие степеней свободы у множества ее элементов обуславливают гибкость, подвижность, приспособляемость, способность восстанавливаться, а, следовательно, устойчивость... Структурное разнообразие служит резервом жизни, создает каналы коррекции видов, пути для отступления, т. е. несет функцию накопления выходов из экстремальных ситуаций» [12, с. 120].

Часть системы права, изменяющаяся на определенном этапе развития, со временем все более отличается от других более

стабильных на данный момент частей и становится центром различных реакций на воздействия внешней среды, что влечет за собой увеличение разнообразия действующих сил и следствий. Нарастает несоответствие между отдельными структурными элементами права, что означает либо начало нового витка процесса дифференциации в системе, либо интеграции ее структурных элементов. Позитивный момент рассматриваемого процесса заключается в том, что он «несомненно совершенствует процесс правового регулирования, повышает его эффективность, способствуя охвату разнородных отношений и проникновению в их сущность» [3, с. 46].

Несмотря на масштабность и актуальность процессов дифференциации и интеграции в системе права ученые-правоведы упоминают о них, как правило, лишь в самых общих чертах или попутно при обсуждении вопросов деления права на отрасли, проблемы специализации законодательства, порой, не проводя между этими научными абстракциями четкого разграничения [1, с. 53; 6, с. 167; 10, с. 51].

Проведенный анализ опыта использования категорий «дифференциация» и «интеграция» в юриспруденции и других гуманитарных науках в целом показывает наличие ряда позитивных «сдвигов» в решении проблем теоретического познания сложных социальных систем, но также обнаруживает и перспективы дальнейшего развития данной абстракции в понятийных рядах общей теории права. К сожалению, в области юриспруденции категории «дифференциация» и «интеграция», несмотря на характер важнейших методологических конструктов системного подхода, не получили своего обстоятельного развития. Зачастую применительно к изучению общих вопросов системного строения права ученые ограничиваются рассмотрением проблемы его отраслевой структуры, описанием понятия и классификации институтов права. Процессы дробления и единения системы права на части порой осуществляются с использованием субъективно отобранных критериев без опоры на методологическую базу и учета объективно существующих закономерностей.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что методологически правильно рассматривать право не как простую систему, а как сложную высокоорганизованную систему, состоящую из ряда подсистем, образующих определенную иерархию. Исходя из прикладных задач, решаемых юридической наукой, система права выступает в виде набора следующих структурных элементов: правовых норм, институтов права (субинститутов) и отраслей (подотраслей). Система права, как справедливо отмечает в связи с этим Д.А. Керимов, это не просто

совокупность ее подсистем, а система подсистем, на базе и в рамках которой образуется иерархия частных систем, «создающих стройное здание правовой системности: от основания (система многообразных правовых норм) через промежуточные «этажи» (система институтов и отраслей права)» [5, с. 253]. Несмотря на наличие дискуссий, прошла проверку временем и заслуженно доминирует по настоящий момент концепция единства предметного и функционального критериев системного строения права (хотя и представленная в литературе в различных вариантах, отличающихся в нюансах, а иногда и по существу). Только с таких методологических позиций возможно нахождение в теории всей суммы общих закономерностей, объясняющих установление состояния сбалансированности дифференциации и интеграции как двух важнейших тенденций в развитии российского права.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. — 258 с.
2. Бару М.И. Унификация и дифференциация норм трудового права // Советское государство и право. — 1971. — № 10. — С. 45—50.
3. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. — 272 с.
4. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л., 1984. — 176 с.
5. Керимов Д.Л. Методология права (Предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. — 560 с.
6. Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. М., 1979. — 209 с.
7. Попондопуло В.Ф. Проблемы единства и дифференциации российского права и законодательства // Российский юридический журнал. — 2011. — № 1 (76). — С. 26—37.
8. Разуваев Н.В. Правовая система и критерии отраслевой дифференциации права // Правоведение. — 2002. — № 3. — С. 31—55.
9. Реутов В.П. Развитие взглядов на отраслевую дифференциацию права // Проблемы развития российского законодательства. Сборник статей. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. — С. 4—18.
10. Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства. Проблемы теории и практики / Под ред. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. — 244 с.
11. Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права / Под ред. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. — 97 с.
12. Сороко Э.М. Структурная гармония систем. Минск, 1984. — 264 с.

13. Черданцев А.Ф. Системность норм права // Сборник ученых трудов. Вып. 12. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1970. — С. 47—63.
14. Черданцев А.Ф. Специализация и структура норм права // Правоведение. — 1970. — № 1. — С. 41—49.
15. Яковлев В.Ф. Отраслевая дифференциация и межотраслевая интеграция как основы системы законодательства // Правоведение. — 1975. — № 1. — С. 16—23.

КОММУНИКАТИВНАЯ ПОДГОТОВКА В СОВРЕМЕННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Усманова Елена Фанильевна

канд. юрид. наук,

*зав. кафедрой теории и истории государства и права
НОУВПО «Мордовский гуманитарный институт,*

РФ, г. Саранск

E-mail: usmanowa_ef@rambler.ru

COMMUNICATION TRAINING IN MODERN LEGAL EDUCATION

Elena Usmanova

*candidate of Science, Head of the of Theory and History of State and Law
Department, assistant professor of Mordovian humanitarian Institute,
Russia, Saransk*

АННОТАЦИЯ

Статья раскрывает особенности коммуникативной подготовки в современном юридическом образовании. Анализируются основные способы повышения эффективности речевой коммуникации в профессиональной юридической деятельности.

ABSTRACT

The article reveals the features of communication training in modern legal education. Analyzes the main ways to improve verbal communication in vocational legal activities.

Ключевые слова: речевая юридическая коммуникация; коммуникативная компетентность юриста; речевые коммуникативные навыки; тренинг коммуникативной компетентности.

Keywords: Speech legal activity; lawyer's communicative competence; professional legal activity; verbal communication skills; the training of communicative competence.

Возрастающая роль речевой коммуникации в юридической практике, ее огромные возможности для осуществления воздействия и структурирования социальной действительности ставят в качестве первоочередной задачи изучение эффективности речевой коммуникации в юриспруденции. Развитие умения общаться (коммуникативных способностей) является необходимым для любого человека и особенно для юристов. Нельзя не согласиться с мнением О.В. Афанасьевой, которая утверждает, что «серьезные изъяны в общении: отсутствие коммуникабельности, замкнутость, неумение устанавливать психологический контакт с людьми и т.п. — являются противопоказанием к деятельности юристов: следователей, судей, адвокатов и прокуроров» [1, с. 91].

Проблема коммуникативной подготовки специалистов в настоящее время приобретает еще большую актуальность. В среде социальных наук Запада эта область социально-научного знания занимает отдельное место и известна как Communication или Communication Studies, что определяется как теория коммуникации. Многие вопросы получили в западной науке о коммуникации более подробное освещение, чем в России. Несмотря на то, что социальная действительность, культура и интеллектуально-образовательные традиции запада отличны от российских, опыт американской высшей школы в коммуникативной подготовке, представляет интерес для российского образования. В американских университетах коммуникативная подготовка осуществляется либо как отдельная программа-специализация по коммуникации (communication major), либо в виде основных, или базовых, курсов по коммуникации, обязательных для специалистов различных направлений [2, с. 16]. В современном деловом профессиональном мире коммуникативные умения считаются ключевыми, среди всех профессиональных качеств коммуникативные умения — слушать, говорить, убеждать, работать с разного рода информацией, проводить переговоры, координировать свои действия с действиями партнеров, работать в команде и т. д. — наиболее высоко ценимы [4, с. 29].

В связи с подписанием Россией в 2003 г. Болонской декларации в Российской Федерации начался переход на новую европейскую систему обучения, предусматривающую серьезные изменения в организации образовательного процесса и базирующуюся на принципах, среди которых можно выделить расширение мобильности и обеспечение социальной направленности обучения.

Осознанная необходимость повышения речевой коммуникации юристов нашла отражение в создании языковых спецкурсов в ряде вузов России. Это свидетельство движения к новой концепции юридического образования, где важная роль отводится формированию представления о «профессиональной коммуникативной компетентности» юриста.

При подготовке юристов необходимо сосредоточить внимание на обучении их не только умению разрешать дела, давать правильные ответы на конкретные вопросы, но и знанию принципов, гуманитарных основ юридической жизни, правового регулирования. Необходимо обучать юристов умению быть внимательным слушателем, выбирать соответствующий коммуникативной ситуации «язык» общения, создавать благоприятный коммуникативный климат. Человек, как социальное существо, приобретает социальный опыт и знания двумя путями: либо через непосредственный контакт с источником информации, либо через общение с иными социальными субъектами, т. е. путем коммуникаций. В современной социальной философии утверждается мнение о том, что именно социальные коммуникации и образуют социальную реальность, по своему смыслу исключая крайности индивидуализма или коллективизма. Коммуникация создает целостность через свободные и согласованные действия субъектов. Общество — это результат общения совместно действующих индивидов, «понятых» и «услышанных» другими. Тем самым в общении, в коммуникации современная социальная наука усматривает теоретическое и практическое решение проблематики человека и человеческих отношений как альтернативы революционным преобразованиям.

Среди основных способов повышения эффективности речевой коммуникации в профессиональной юридической деятельности также следует выделить и такие как самостоятельная работа юриста над качеством речи, различные учебные тренинги, ролевые игры, имитирующие реальные жизненные ситуации, экспертная работа юриста, позволяющая отслеживать достоинства и недостатки чужой речевой деятельности, рефлексия по следам собственной речевой коммуникативной деятельности (запись своих высказываний на видео-

или аудиосредства воспроизводства речи) [3, с. 202]. В учебном процессе особое внимание следует уделять, в первую очередь, различным тренингам, ролевым играм, которые помогают развивать коммуникативные умения и навыки.

Тренинг коммуникативной компетентности помогает развивать навыки и умения, необходимые для эффективной речевой коммуникации в юридической практике. В тренинге развиваются такие формы поведения, которые включают и восприятие собеседника, и передачу ему определенных сигналов, и воздействие на него. Профессиональный тренинг концентрируется на решении проблем и оказании помощи в преодолении трудностей — личных, профессиональных, коммуникативных и др. Тренинг коммуникативной компетентности юриста развивает умения активного слушания, правильного задавания вопросов, регуляции эмоционального напряжения. Тренируя умения слушать и понимать, тренируется и умение выражать свои мысли и чувства и воплощать их в действия. Методы активного слушания помогают юристу сосредоточить внимание на партнере, «разговорить», услышать и понять его. Однако такой благоприятный результат возможен лишь тогда, когда активный слушатель не только знает соответствующие коммуникативные тактики, но и правильно их применяет. Коммуникативные навыки приобретаются как в процессе непосредственного взаимодействия с другими людьми, так и при помощи различных форм группового обучения. В частности, процесс наблюдения за актами коммуникации позволяет выявить правила, следуя которым люди организуют своё взаимодействие, дает возможность понять, что содействует, а что мешает успешной коммуникации. Основа любого тренинга — ролевые игры. В условиях ролевой игры участник сталкивается с ситуациями, подобными тем случаям, которые характерны для его настоящей деятельности и постепенно меняет свои внутренние установки. Тем самым вырабатываются новые, более результативные, коммуникативные навыки. Ролевые игры это не только средство подготовки обучающихся к речевому общению, но и прием, расширяющий возможности познавательной деятельности юристов: в игровой форме изучаются действующие нормы права, углубляется представление об отдельных статьях уголовного, уголовно-процессуального, гражданского процессуального кодексов РФ и т. д. Ролевые игры могут проводиться в форме юридической консультации, судебного заседания, проведения переговоров по какой-либо проблеме и т. д. При этом студент-юрист выступает не только в качестве юрисконсульта, адвоката, прокурора, но и в роли клиента,

подзащитного, обвиняемого, а также в образе другого юриста — своего процессуального противника. Такой прием позволяет посмотреть на ситуацию с неожиданной точки зрения, спрогнозировать поведение других участников правовых отношений, выявить недостатки в собственной подготовке.

Таким образом, несомненно, что коммуникативные навыки можно и нужно осваивать и овладеть ими способен каждый юрист. Тренинг коммуникативной компетентности, в котором содержатся специальные задания и инструкции, объясняющие каким образом отрабатывать навыки, дает возможность практиковаться в реальной жизненной обстановке или ролевых играх, и помогает юристу лучше овладевать речевыми коммуникативными навыками.

Список литературы:

1. Афанасьева О.В., Пищелко А.В. Этика и психология профессиональной деятельности юриста. М.: «Академия»; Мастерство, 2001. — 224 с.
2. Матяш О.И. Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах // Сибирь. Философия. Образование: Альманах. Вып. 7. Новокузнецк: Институт повышения квалификации, 2002. — С. 16—19.
3. Усманова Е.Ф. Речевой коммуникативный процесс в профессиональной юридической деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. - № 2-1. — С. 201—203.
4. Wood J. *Interpersonal Communication: Everyday Encounters* (3rd Ed.). Belmont, CA: Wadsworth, 2002.

СЕКЦИЯ 7.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ АБОРТОВ В ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аманжолова Ботагоз Атымтаевна

*канд. юрид. наук, доцент
Карагандинского Государственного Университета им. Е.А. Букетова,
Республика Казахстан, г. Караганда
E-mail: botanik76@mail.ru*

HISTORY OF THE LEGAL REGULATION OF ABORTIONS IN THE FOREIGN LEGISLATION

Botagoz Amanzholova

*candidate of Legal Sciences,
associate Professor of the Karaganda State University
of the name of academician E.A. Buketov,
Republic of Kazakhstan, Karaganda*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению историко-правового обзора проблемы абортов. В ней анализируются содержание и структура уголовно-правовых норм об ответственности за аборты в разных странах в различные исторические эпохи.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of historic and legal survey of the abortion problem. The content and the structure of criminal law standards of liability for abortions are analyzed in different countries and historical era.

Ключевые слова: незаконное производство аборта; уголовная ответственность; криминальный аборт; история абортов; законы об аборте.

Keywords: illegal performance of abortion; criminal responsibility; illegal abortion; history of abortions; abortion acts.

Вряд ли можно встретить среди преступлений против личности еще одно такое преступление, как криминальный аборт, которое столь различно расценивалось бы в различные исторические эпохи, которое так разно юридически квалифицировалось бы и влекло за собой столь различные наказания: от самых серьезных мер до абсолютной безнаказанности.

История абортов уходит своими корнями в древность [5, с. 16]. Различные способы прерывания беременности были известны людям еще в эпоху первобытнообщинного строя.

В рабовладельческом обществе частые переселения, войны и голод вынуждали прибегать к абортам в качестве средства избавления от «лишних людей». Например, на острове Формоза вследствие нехватки пищи женщинам до 36 лет не разрешалось заводить детей. В противном случае жрецы, наступая на живот беременной женщины, производили выкидыш [5, с. 18].

Платон (427—347 гг. до н. э.) для предотвращения бесконтрольного увеличения численности населения Древней Греции предлагал регулировать рождаемость с помощью аборт. Его ученик Аристотель (384—322 гг. до н. э.) так же поддерживал аборт. Однако он считал, что право на аборт женщина приобретает лишь после того, как даст обществу определенное количество детей [5, с. 19].

Врачи древности также расходились во мнении в вопросе о допустимости аборта. Гиппократ считал всякий аборт противоестественным и обязывал своих учеников дать клятву о том, что никогда не будут прибегать к абортивному пессарию. Напротив, знаменитый арабский врач Авиценна одобрял аборт [5, с. 20].

Аборт относится к числу старейших проблем медицинской этики, а также философии, юриспруденции и теологии. Клятва Гиппократа запрещает врачу прерывание беременности («Я... не вручу никакой женщине абортивного пессария»). В то же время Аристотель считал аборт допустимым. В позиции Аристотеля обращают на себя внимание два момента: необходимость аборт обосновывается у него демографическими целями (регулированием рождаемости); одновременно он считал аборт дозволенным, пока в зародыше не сформировалась «чувствительность» и «двигательная активность» [5, с. 22].

В Древнем Риме, в особенности в его поздний период, аборт не считался чем-то позорным и широко практиковался. Позднее, когда Римская империя стала нуждаться в солдатах для захвата чужих

земель и увеличении числа рабов, женщина и лица, способствующие производству аборта, строго наказывались. В Древнем Риме аборт не считался преступлением, если он производился с согласия главы семьи. Римское право, рассматривавшее плод в качестве составной части материнского организма, не считало нужным его охранять и аборт был широко распространен. Лишь перед распадом империи стали предприниматься запоздалые меры к недопущению абортов. Например, при императоре Марке Аврелии был наложен запрет на продажу средств для прерывания беременности. [5, с. 23].

В то время для производства аборта стали применять препараты спорыньи. К сожалению, не у всех она вызывает выкидыш, зато побочные явления появляются у всех. Известные народные названия болезней «Антонов огонь», «Злая корча» — это все явления передозировки спорыньей [5, с. 24].

В эпоху упадка империи состоятельные граждане предпочитали не иметь ни семьи, ни детей. Поначалу в римском праве зародыш трактовался как часть тела матери (*parsviscerum*), поэтому женщина не подвергалась наказанию за умерщвление плода или изгнание его из утробы. Только позднее эмбрион (*nasciturus* — «имеющий родиться») был наделен некоторыми гражданскими правами [5, с. 25].

Искусственный аборт стал трактоваться как преступление прав родителей, если кто-то стремился достичь таким путем имущественных прав. Окончательное осознание ценности эмбриона самого по себе связано с возникновением христианства. Уже в эпоху раннего христианства аборт отождествляется с убийством человека. Христианская концепция утверждала, плод лишает его благодати будущего крещения и, следовательно, является тяжким грехом. Поэтому в средние века аборт квалифицировался как тяжкое преступление, аналогичное убийству родственника. Под влиянием церкви в XVI веке почти во всех европейских странах (Англии, Германии, Франции) производство аборта каралось смертной казнью, которая впоследствии была заменена каторжными работами и тюремным заключением. Причем это касалось не только врача, но и пациентки. Один из отцов церкви Василий Великий (IV—V вв.): «Умышленно погубившая зачатый во утробе плод подлежит осуждению как за убийство» [5, с.—29]. В христианской традиции отношения к аборту важное место занимает вопрос о том, когда эмбрион обретает бессмертную душу, когда происходит его одушевление.

Если у ранних христиан при этом указывалось на 40-й день для мальчиков и 80-й для девочек, то средневековые богословы и философы-схоласты (уже не различая полов) указывали то на 40-й,

то на 80-й день. Эти положения неожиданно «перекликаются» с современным законодательством об аборте, принятом в ряде стран и чаще всего допускающим прерывание беременности в первом триместре (до 12 недель) беременности. В средние же века утверждение церкви об обретении эмбрионом бессмертной души в определенный момент внутриутробного развития оборачивалось суровым наказанием за аборт. Согласно своду германских законов «Каролина» (XIV в.), аборт в случае уничтожения одушевленного плода карался смертной казнью [5, с. 49]. Смертная казнь за аборт была введена в 1649 г. и в России отменена она была столетие спустя [5, с. 52].

История аборт в Средние века тесно связана с христианским мировоззрением. В Западной Европе под влиянием христианства, поднявшегося к тому времени в ранг государственной религии, сформировалась концепция, приравнивающая аборт к убийству. Константинопольский собор 629 года установил за аборт смертную казнь. Папа Стефан V в 866 году специальным эдиктом приравнял изгнание плода к убийству взрослого человека [5, с. 54].

Логическим следствием отнесения аборта к убийству стало применение к лицам, его совершившим, суровых наказаний. В ст. 158 Бамбергского уложения (1507 г.) было предусмотрено, что «если подобное зло (аборт) совершено мужчиной, то он карается мечом (та же смертная казнь, что и за убийство), если он это сделал со злым умыслом, если же это сделала женщина себе самой или другой, то ее утопить или другим способом казнить» [7, с. 45].

Во Франции до 1437 года самоаборт был вообще ненаказуем, но с 1556 года за аборт была установлена смертная казнь. Декрет Генриха II, изданный в 1562 году, устанавливал, что за стягивание живота для того, чтобы изгнать плод, беременная женщина подвергается, как и за аборт, повешению [7, с. 47].

Средневековое русское право также было подвержено влиянию церкви. «Законы градские» писали: «Аще жена во чреве имуща и зло помыслит на свою утробу, яко да изженет младенца, биема». Уже по «Новоуказным статьям» 1669 года за аборт была введена смертная казнь [2, с. 75].

Таким образом, в Средние века аборт обычно приравнивался к убийству, а к виновным в его совершении назначалась смертная казнь. Данное обстоятельство русским ученым П.А. Сорокину и Н.С. Тимашеву позволило отнести аборт, наряду с убийством, изнасилованием, грабежом, кражей и другими деяниями, к абсолютному виду преступлений, встречающихся во всех (или почти во всех) правовых системах во все исторические эпохи. По их данным,

за последнюю тысячу лет по уголовным законам Франции, Германии, Австрии, Италии и России изгнание плода неизменно признается преступлением [2, с. 78].

В XVIII столетии под влиянием буржуазных революций санкций норм, предусматривающих наказание за аборт, стали постепенно меняться в сторону смягчения. Например, в соответствии с законом 1791 года, принятым после Великой французской революции, женщина, которой произвели аборт, освобождалась от уголовной ответственности, а помогавшие ей в этом на 20 лет помещались в тюрьму [2, с. 81]. Параграф 218 Уголовного кодекса Германской империи 1871 года предусматривал для беременной женщины от 5 месяцев до 5 лет, а для помогавших ей — до 10 лет тюремного заключения [2, с. 87].

«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» царской России 1845 года рассматривало аборт в главе о смертоубийстве [6, с. 26] Изгнание плода, совершенное с ведома и согласия самой беременной женщины влекло за собой исправительно-арестантские отделения на срок от 4 до 5 лет. Сама беременная женщина, которая «по собственному произволу и согласию с другими умышленно произведет изгнание плода своего наказывается тюремным заключением на срок от 4 до 5 лет с лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ» (ст. 1462). Изгнание плода без ведома беременной женщины наказывалось ссылкой на каторгу на срок от 4 до 6 лет, причинение при этом беременной тяжкого повреждения здоровью каралось каторгой на срок от 6 до 8 лет, а причинение смерти — каторгой на срок от 8 до 10 лет. Наказание за аборт ужесточалось, если он был совершен врачом, акушером, повивальной бабкой или аптекарем, а также если подсудимый был прежде виновен в этом преступлении [6, с. 28].

Преимущественный интерес представляет эволюция отношение врачей и общества к проблеме аборта в течение двух последних столетий. Основоположник отечественного акушерства Н.М. Максимович-Амбодик еще в 1784 г. предвосхищая концепцию медицинских показаний искусственному прерыванию беременности, выступал за то, чтобы в критических ситуациях на первое место ставить спасение матери, а не плода [6, с. 50] В европейской медицине поворотным пунктом в окончательном формировании данной концепции стала дискуссия в Парижской медицинской академии в 1852 г.: статистика материнских смертности после кесарева сечения стала главным аргументом в этическом оправдании искусственного прерывания беременности в таких случаях [6, с. 57]. Хирургическая техника

искусственного аборта путем введения в полость матки инструментов известна примерно с 1750 г. Однако вначале по причине высокого риска дипломированными врачами они делались очень редко. Если этот метод и применялся в те годы, то незаконно практикующими врачевателями.

Во второй половине XIX в. в США возникает общенациональное движение за запрет аборта. Ведущую роль в нем играло руководство авторитетной Американской медицинской ассоциации. Основываясь на эмбриологических открытиях, врачи доказывали, что плод представляет собой живое существо с момента зачатия, а не с момента ощущения матерью движений его тела (этот момент назывался «оживлением плода»). Поэтому медики настаивали, что аборт, даже в самом начале беременности, является убийством плода. В итоге к 1880 г. аборты в США, если речь не шла о случаях спасения жизни женщины, были запрещены. Принятые тогда законы в основном сохранялись до 60-х годов XX в. [8, с. 22].

В 1869 г. британский парламент принял «Акт о преступлениях против личности», согласно которому аборт, начиная с момента зачатия, стал считаться тяжким преступлением [8, с. 28]. Аборт, произведенный самой женщиной, наказывался значительно строже, если он имел место после появления шевелений плода. В Германии в эти же годы производство аборта за деньги считалось отягчающим обстоятельством [8, с. 24].

Во Франции наказание усиливалось в отношении врачей, в то же время здесь был период (с 1791 по 1810 г.), когда сама женщина от наказания освобождалась вовсе [8, с. 25].

В дореволюционном законодательстве России четко различались разрешенный законодательством искусственный аборт, производимый врачом с целью спасения жизни женщины и аборт, производимый самой женщиной или каким-либо посторонним лицом с преступной целью прекращения беременности. Принадлежность лица, производящего криминальный аборт, к медицинской профессии (сюда относились и повивальные бабки) считалось отягчающим обстоятельством [8, с. 36].

Целый ряд законодательных памятников древнего мира не упоминает аборт среди наказуемых деяний. Например, нет ни одной нормы об аборте в законодательстве Хаммурапи, законодательстве древних евреев, не упоминается аборт и в обычном праве казахов.

В конце XIX и начале XX веков наказуемость аборта вызывала многочисленные возражения. В своем замечании на проект «Уголовного уложения» 1903 года профессор Легонин: «Факт громадного распространения преступного выкидыша в современном обществе

не подлежит сомнению. Уже это одно указывает на то, что действующий уголовный закон не достигает цели... наказание вполне достаточно, но уголовный закон почти всегда остается без применения» [4, с. 29]. Это утверждение полностью подтверждается следующими статистическими данными: за аборт в царской России в 1884 году было осуждено всего 17 человек, а в 1910 году — 83 человека [4, с. 31].

Испокон веков искусственное прерывание беременности было вне закона. Все религиозные конфессии запрещали верующим участвовать в этой процедуре. 20 век легализовал аборт и возвел их когорту методик планирования семьи. Появление во второй половине XX века, альтернативных средств, регуляции рождаемости, изменение культурных традиций мирового сообщества заострило вопрос о нравственной оценке процедуры искусственного прерывания беременности.

Искусственное прерывание беременности распространено в современном мире более чем когда-либо в предыдущей истории. Ежедневно в мире совершается около 100 млн. половых актов, в 910000 случаев происходит зачатие, в 10 % этих случаев беременность заканчивается искусственным абортом [1, с. 66]. Как отмечала в 1996 г. Комиссия по народонаселению и развитию ООН, «во многих странах — как развитых, так и развивающихся — искусственному прерыванию беременности общественность уделяет повышенное внимание» [1, с. 68]. При этом озабоченность вызывают как медицинские последствия аборт — материнская заболеваемость (нередко приводящая к бесплодию) и смертность, так и морально-правовые — проблемы его допустимости на разных сроках беременности и законодательной регламентации.

Не лучше обстояло дело с неизбежностью наказания и в других государствах. Например, в начале XX века в Нью-Йорке на 1000 аборт осуждался один человек. Во Франции с 1891 по 1910 годы по фактам преступного выкидыша было возбуждено 25000 дел, из них 23000 прекращено до суда, по остальным 2000 дел проходило 5000 обвиняемых, из которых половина была оправдана судом. В Англии за тот же период число осужденных не превышало 10 человек в год [1, с. 69].

Результаты первой мировой войны не могли не отразиться на проблеме абортов. За 20 лет темпы роста численности населения в Англии сократились в 3 раза, в Германии — в 4 раза, в США — в 2 раза. Данный факт вызывал обеспокоенность правительств и некоторые государства (Франция, Германия) стали предпринимать специальные социальные меры, направленные на стимулирование рождаемости. Отдельные государства (Англия) в качестве дешевого

метода повышения рождаемости избрали ужесточение уголовной ответственности за аборт.

Несмотря на широкое применение карательных мер, во всех странах число абортосов неизменно росло. Во Франции в 1936 году число абортосов по сравнению с 1914 годом возросло в 2 раза и достигла миллиона. В Англии наложение строгого запрета на аборт не дало ожидаемого результата: рождаемость продолжала падать [1, с. 56].

Изменения в коэффициенте рождаемости не находятся в прямой корреляционной зависимости от запрещения или разрешения абортосов. Уголовно-правовые меры не могут оказывать существенного влияния на демографические процессы. Изменения в коэффициенте рождаемости в большей мере зависят от материальных условий жизни человека, культурного уровня, положения женщин в обществе, достижений научно-технического прогресса и многих других социально-экономических факторов.

Эту мысль можно проиллюстрировать на примере Франции и Японии. В 1940 году во Франции рождаемость была ниже смертности и составила — 5,1 %. После второй мировой войны в стране проводятся широкомасштабные поощрительные мероприятия (материальные пособия многодетным, дома матери и т. д.). Эти меры не сразу, но дали положительные результаты и рождаемость стабилизировалась на 18 %. На этом фоне во Франции развернулась борьба за свободу абортосов, являющейся частью общей борьбы за свободу личности [1, с. 57].

Напротив, в 1947 году рождаемость в Японии составляла 34,3 %. Перед угрозой проблемы перенаселения правительство страны было вынуждено легализовать абортосы и начать широкую пропаганду противозачаточных средств и даже стерилизации. Эти мероприятия совпали по времени с бурным ростом индустриализации, интенсивной урбанизацией и широким вовлечением женщин в общественное производство, и потому результат превзошел все ожидания. К 1963 году рождаемость снизилась до 17,2 % [1, с. 58].

Во второй половине XX столетия во всех странах мира наблюдается тенденция к расширению показаний к производству абортоса. В 1950 году в Финляндии, в 1960 году в Норвегии, в 1967 году в Великобритании были смягчены законы об абортосах. Если до 1967 года в Великобритании аборт разрешался только при наличии угрозы жизни беременной женщины, то с этого года перечень показаний к производству операции искусственного прерывания беременности был дополнен следующими: вредность дальнейшего продолжения беременности для здоровья женщины, вероятность появления на свет

ребенка с серьезными дефектами здоровья, вредность дальнейшего продолжения беременности для физического и психического здоровья имеющих в семье детей [1, с. 70].

В 70—80 годы в более чем тридцати странах мира произошла либерализация законов об аборте. Например, в США, Дании, Швеции были приняты либеральные законы, разрешающие аборт по желанию женщины, в ФРГ и Франции — разрешающие аборт по медицинским и социальным показаниям. Расширяя показания к производству абортов, многие страны преследуют цель минимизации вреда, причиняемого здоровью женщин нелегальными абортами (Австрия, Дания, Израиль, Канада, Нидерланды, США, Франция, Финляндия, ФРГ, Швеция, Индия, Иран, Северная Корея), а некоторые государства не скрывают, что с помощью абортов хотят добиться снижения рождаемости (Тунис, Сингапур) [3, с. 34].

Попытаемся сравнить законы об абортах в различных странах мира по степени суровости. Самые либеральные законы предусмотрены в государствах, где аборт разрешен по желанию женщины — бывшие государства социалистического лагеря, Скандинавские страны (аборт разрешен в первые 3 месяца беременности), Швеция (аборт разрешен в первые 18 месяцев беременности), Дания (аборт разрешен в первые 21 месяцев беременности), США (аборт разрешен в первые 24 месяца беременности), Тунис и Сингапур (нет ограничений к производству аборта). Самые суровые законы предусмотрены в странах, где аборт разрешен только по ограниченному кругу медицинских и генетических показаний — Бельгия, Ирландия, Испания, Италия, Люксембург, Мальта, Монако, Португалия, Албания, Бразилия, Колумбия, Сальвадор, Уругвай, Бангладеш, Индонезия, Филиппины, Алжир, Кения, Нигерия, Марокко, Новая Зеландия, Фиджи [3, с. 35].

Как видно из вышеприведенных данных, особой суровостью отличаются законы об абортах стран, в которых сильно влияние католического направления христианской религии и ислама. В таких государствах Европы как Испания, Италия, Монако, Португалия, некоторых кантонах Швейцарии запрещена свободная продажа противозачаточных средств. Напротив, такие мусульманские страны как Иран и Турция пересмотрели свои законы, и пошли на разрешение абортов по медицинским и генетическим показаниям.

В бывших странах социалистического лагеря после краха идей коммунизма отношение к абортам развивается в разных направлениях. Например, Румыния, испытавшая отрицательные результаты запрещения абортов, в 1990 году значительно расширила показания к аборту. Если за период с 1966 по 1984 годы в этой стране смертность

в результате абортов возросла на 600 %, то за один год после принятия либерального закона она снизилась до 67 % [3, с. 37]. Совершенно иное отношение к абортам в современной Польше. В 1993 году под давлением католической церкви польский сейм принял закон о запрещении абортов. В соответствии с этим законом аборт допускается только в тех случаях, когда беременность явилась следствием изнасилования или инцеста. Следствием политики запрещения абортот стали резкий рост числа детоубийств и подкидывания новорожденных, в несколько раз возросло число подпольных абортот, появилась традиция совершать «гинекологические туры» в соседние страны, где аборт разрешен. Польские женщины в среднем ежегодно подпольно или за рубежом производят 40—50 тыс. абортот [3, с. 38].

Как показывает краткий историко-правовой обзор, наложение законодательного запрета на абортот не приводит к его искоренению. Наоборот, запретительная политика неизбежно приводит к росту криминальных абортот, которые характеризуются частыми осложнениями и высокой смертностью. Примерно половина всех абортот, производимых в мире, до сих пор делается нелегально. В странах Латинской Америки, где очень строгие законы, частота нелегально производимых абортот превышает частоту легальных. По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно в мире совершается до 45 миллионов абортот и около половины из них составляют подпольные абортот.

В современных цивилизованных странах проблема абортот рассматривается в контексте прав человека. Вопрос совместимости легализации абортот с признанием и охраной права человека на жизнь рассматривался конституционными судами таких западноевропейских стран как Германия, Австрия, Италия, Франция, а также Европейской комиссией по правам человека. Общим для всех решений было положение о правомерности добровольного прерывания беременности по медицинским показаниям в широком смысле, т. е. не только в случае угрозы для жизни беременной женщины, но и при опасности для ее физического и умственного здоровья.

Список литературы:

1. Женщины в переходный период. Региональный мониторинговый доклад № 6. Флоренция: Международный центр развития ребенка ЮНИСЕФ, 1999. — 71 с.
2. Кузнецов В.К., Баранова Е.В. История и современное состояние законодательства об абортот в странах мира //Фельдшер и акушерка. — 1980. — № 38. — С. 3—6; Кузнецов В.К., Баранова Е.В. Законодательства об абортот в странах мира //Здравоохранение РФ. — 1980. — № 5. — 50 с.

3. Лебедева В.П. Пройденные этапы. М., 2013. — 117 с.
4. Осложнения при аборте. Руководство по техническим и управленческим аспектам предупреждения и лечения. ВОЗ. Женева: Медицина, 1995. — 190 с.
5. Равич М. Аборт в истории уголовного права //Советская юстиция. — 1936. № 34. — 310 с.
6. Сантос М.Б. Проблема аборта и ее разрешение в современной Западной Европе //Социальные и гуманитарные науки. Серия 4. Государство и право. М., — 1993. — № 1. — 82 с.
7. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М.: Юрид. лит., 1948. — 421 с.
8. Henshaw S.K., Morrow E. Indused abortion: a world review. New York: Alan Guttmacher Institute, 1990. — 120 с.

УБИЙСТВО ПРИ СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ В СТРАНАХ С АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМОЙ

Бабичев Арсений Георгиевич

*канд. юрид. наук, докторант кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) Федерального университета,*

РФ, г. Казань

E-mail: ulaevbars@mail.ru

MURDER WITH EXTENUATING CIRCUMSTANCES IN COUNTRIES WITH ANGLO-SAXON LEGAL SYSTEM

Arseniy Babichev

*LLD Candidate, PhD (Law) Department of Criminal Law,
Kazan (Volga Region) Federal University,*

Russia, Kazan

АННОТАЦИЯ

Автор дает общую характеристику уголовного законодательства в странах с так называемой англосаксонской правовой системой об ответственности за убийство при смягчающих обстоятельствах.

ABSTRACT

The author gives a general description of the criminal legislation in the countries with the so-called Anglo-Saxon legal system on the responsibility for the murder with extenuating circumstances.

Ключевые слова: убийство; англосаксонская правовая система; детоубийство; право на жизнь; неродившийся ребенок; провокация; эвтаназия.

Keywords: murder; the Anglo-Saxon legal system; infanticide; the right to life; the unborn child; provocation; euthanasia.

На территории Англии рассматриваемые виды убийств относятся к «простым умышленным убийствам», которые из разряда «тяжких убийств» переходят в разряд «простых убийств» лишь при наличии смягчающих обстоятельств. Тем не менее, прецедентная система права позволяет выносить различные, нередко противоположные решения по таким категориям уголовных дел.

Одним из видов «простого убийства со смягчающими обстоятельствами» является «детоубийство», ответственность за которое установлена Законом о детоубийстве 1938 года. Согласно этому Закону женщина, причинившая умышленным действием или бездействием смерть своему ребенку в возрасте до 12 месяцев, освобождается от ответственности за тяжкое убийство, если во время совершения данного деяния ее душевное равновесие было расстроено, поскольку она еще не оправилась от последствий родов или кормления ребенка грудью. Если виновная в убийстве своего новорожденного ребенка женщина судится по обвинению в тяжком убийстве (Murder), присяжные заседатели вправе признать ее вместо этого виновной в детоубийстве, и она может быть наказана как за простое убийство (Manslaughter), поскольку действовала в состоянии умоисступления [1].

Судебная практика в каждой конкретной ситуации оценивала возраст новорожденности потерпевшего по-разному. Медицинский критерий определял понятие новорожденности шестнадцатью днями жизни ребенка с момента его рождения.

Например, в 1936 году в центральном уголовном суде г. Лондона слушалось дело об убийстве ребенка по истечении трех недель после дня его рождения. Ребенка мать убила в послеродовом состоянии, поэтому суд признал ее виновной в убийстве новорожденного ребенка. При этом суд указал на возможность сохранения особого послеродового состояния роженицы и по истечении периода новорожденности. В 1927 году уголовно-апелляционный суд по другому делу постановил,

что не существует доказательств, на основании которых присяжные заседатели могли бы признать ребенка, достигшего одного месяца, новорожденным. В результате суд признал мать, убившую своего ребенка в возрасте 35 дней, в убийстве новорожденного, то есть в «привилегированном» убийстве [7, с. 164].

Закон о детоубийстве вместо «новорожденного ребенка» в качестве потерпевшего от этого преступления определил «ребенка, не достигшего двенадцати месяцев». Субъективное состояние матери-убийцы, делающее убийство ею ребенка «привилегированным» преступлением, Закон охарактеризовал словами: «... если во время совершения действия или упущения равновесие ее рассудка было нарушено вследствие того, что она не вполне оправилась после рождения ребенка, или вследствие неправильностей в выделении молока после рождения ребенка» [7, с. 164].

«Детоубийство» возможно лишь при убийстве матерью родившегося ребенка, причем родившегося живым. Доказательствами того, что ребенок родился живым и жизнь его после отделения от тела матери продолжается, могут быть: крик ребенка, его дыхание, наличие у него пульса, его движения после высвобождения его из утробы матери, наличие других признаков живорождения.

По Закону об охране жизни детей 1929 года всякое лицо, которое, имея намерение лишить жизни ребенка, способного родиться живым, посредством умышленного действия лишает его жизни до того, как он получил самостоятельное от матери существование, виновно в фелонии вытравливания плода. Тот факт, что беременность женщины достигла 28 недель или более, является доказательством того, что она была беременна ребенком, способным родиться живым. Не является преступлением (указанным фелонией) действие, явившееся причиной смерти ребенка, если оно было совершено с одной только целью — спасти жизнь матери [2].

Наказание за «простое умышленное убийство» «матерью новорожденного ребенка в состоянии стресса», отнесенное Законом об уголовном праве 1967 года к «арестным» преступлениям, после отмены смертной казни и каторжных работ, наказывалось только тюремным заключением на срок от двух лет. Если суд не устанавливал у матери расстройства «душевного равновесия», оно наказывалось более строго. «Детоубийство», совершенное со «злым предумышлением», приравнивалось к тяжкому убийству. Так, обвиняемая, публичная женщина оставила своего новорожденного ребенка в саду, прикрыв его только опавшими листьями. В Англии в то время было много хищных птиц, и коршун своими когтями причинил ребенку

смертельные ранения. Мать ребенка была признана виновной в тяжком убийстве и казнена [4, с. 139].

Хотя насильственное прекращение жизни новорожденного в английском праве сейчас в основном карается как «простое умышленное убийство» (manslaughter), ответственность за такое преступление может наступить и за «невольное» «простое убийство» в случае нарушения матерью обязанности заботиться о своем ребенке, смерть которого наступила или была ускорена вследствие грубой небрежности матери (или отца) потерпевшего. При таком обвинении в преступлении характерно наличие неосторожной вины в виде легкомыслия, то есть пренебрежительного отношения лица к возможным последствиям — смерти младенца.

В Англии как «умышленное простое убийство» признаются и другие виды таких убийств, совершенные при смягчающих обстоятельствах. Согласно Закону об убийстве 1957 года к ним относятся такие обстоятельства, как: «ненормальность умственного развития человека (виновного), которая существенным образом уменьшила его ответственность за совершение убийства» (так называемая «уменьшенная вменяемость»); в случаях, когда «обвиняемый был спровоцирован на убийство или нанесенные ему оскорбления были рассчитаны на то, чтобы лишить «разумного человека» способности контролировать свои действия»; то, что «лицо было участником договора (сговора) о групповом самоубийстве (двух или более человек)», но осталось при этом в живых [3].

Право на жизнь в США признается с момента зачатия. С этого же момента уголовный закон защищает жизнь человека. В 2004 г. президент США в рамках Американской конвенции о правах человека [8, с. 143] подписал указ, согласно которому убийство беременной женщины рассматривается как убийство двух человек [5, с. 71].

Примерный Уголовный кодекс США служит моделью для разработки уголовных кодексов штатов. Однако некоторые из штатов предусматривают самостоятельную уголовно-правовую норму об ответственности за убийство новорожденного ребенка, которые содержат строгие наказания за его совершение. Только за «простое убийство» максимальный размер санкции обычно составляет не менее 10 лет тюремного заключения.

В штатах Иллинойс и Пенсильвания умышленное убийство неродившегося ребенка является фелонией первой степени, за которое может быть назначено тюремное заключение от четырех до пятнадцати лет. «Простым» умышленное убийство признается только в случае умерщвления неродившегося жизнеспособного ребенка, в отличие

от умерщвления плода, еще не способного жить вне чрева матери. Основным условием ответственности за данное преступление является то, что в момент умерщвления лицо действует «под влиянием внезапно возникшего сильного душевного волнения вследствие серьезной провокации со стороны другого лица, либо когда смерть неродившемуся ребенку причиняется по небрежности [6, с. 22].

В УК штата Нью-Йорк нет нормы, специально предусматривающей ответственность за убийство новорожденного, однако имеются две нормы об ответственности за «сокрытие рождения» [10].

УК штата Калифорния также не выделяет норму об ответственности за убийство новорожденного, относя его к тяжким убийствам. Такое убийство, то есть «противоправное умерщвление человеческого существа или зародыша (fetus — неродившегося жизнеспособного зародыша от трех месяцев беременности) с заранее обдуманном злым умыслом, совершенное под влиянием внезапно возникшего аффекта, влечет наказание в виде заключения в тюрьме штата сроком в три года, шесть или одиннадцать лет [9].

Англосаксонская прецедентная система права сама по себе не позволяет однозначно решить вопрос о регламентации ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка. Не закреплённость возрастного критерия периода новорожденности потерпевшего и отсутствие однозначного определения границ временного промежутка, в течение которого сохраняется особое стрессовое состояние матери, обусловленное родовым и послеродовым процессами, — все это позволяет оценивать данное преступление по-разному: то как «простое умышленное убийство», то как «невольное простое убийство». Поэтому наказание за противоправное лишение новорожденного жизни колеблется в диапазоне от двух до десяти лет тюремного заключения до пожизненного заключения и зависит от уголовного законодательства штата США, в котором это преступление было совершено.

В США как «простое умышленное убийство» рассматривается также иное убийство, совершенное при смягчающих обстоятельствах. Основаниями для смягчения тяжкого убийства признаются: согласие жертвы на лишение ее жизни (эвтаназия); чрезвычайно сильное душевное волнение виновного, не исключающее вменяемости, в момент совершения преступления, вызванное умышленной «провокацией» (ст. 125.27 УК штата Нью-Йорк [10]). При этом «провокация» должна быть: действительной; способной вызвать утрату контроля над собой; промежуток времени между «провокацией» и убийством не должен быть достаточно большим, чтобы «разумный человек» мог «остыть»; виновный в убийстве во время его совершения

еще не «остыл»; у него не должно быть осознанного намерения отомстить потерпевшему за его провокационное поведение; инициатором провокации (ссоры, драки, побоев, внезапно обнаруженной супружеской измены) не должен быть виновный.

Среди других обстоятельств, смягчающих ответственность за тяжкое убийство до «простого» его вида, в американском уголовном праве можно выделить также: «уменьшенную вменяемость» как психическое состояние виновного лица, ослабляющее волевой контроль за своим поведением; совершение убийства при нарушении требований необходимой обороны в состоянии принуждения или при нарушении требований крайней необходимости. Как «простое убийство» или «тяжкое убийство второй степени» может квалифицироваться убийство, совершенное при «добровольном опьянении», поскольку «дефекты психики могут влиять на способность лица заранее обдумывать и планировать свое поведение, но не влияют на наличие злого умысла».

Список литературы:

1. Закон о детоубийстве 1938 года. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.elective.ru/arts/uri01-c0426-p18607.phtml> (дата обращения 15.10.2014 г.).
2. Закон об охране жизни детей 1929 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа. — URL: <http://www.center-bereg.ru/f629.html> (дата обращения 15.10.2014 г.).
3. Закону об убийстве 1957 года. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://sci-book.com/sravnitelnoe-pravo/59prestupleniya-protiv-jizni-ugolovnomu-pravu-85634.html> (дата обращения 15.10.2014 г.).
4. Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949.
5. Лозанович Л.А. Незаконное производство аборта: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.
6. Никифоров А.С. Ответственность за убийство в современном уголовном праве. М., 2000.
7. Полянский Н.Н. Уголовное право и уголовный суд Англии. М., 1969.
8. Права человека: Сборник универсальных и региональных международных документов. М., 1990.
9. Уголовный кодекс штата Калифорния. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://americana75.allrpg.info/20/88> (дата обращения 15.10.2014 г.).
10. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: mosmediator.narod.ru/index/0-402 (дата обращения 15.10.2014 г.).

СЕКЦИЯ 8.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ- НЕРЕЗИДЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Анискина Надежда Владимировна

*преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин
Вологодского института права и экономики ФСИИ России,
РФ, г. Вологда*

E-mail: AniskinaN555@yandex.ru

Старостин Сергей Алексеевич

*д-р юрид. наук,
профессор кафедры административно-правовых дисциплин
Вологодского института права и экономики ФСИИ России,
РФ, г. Вологда*

THE TAXATION OF PHYSICAL PERSONS-NON- RESIDENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Aniskina Nadezhda

*Lecturer of the Department of administrative and legal disciplines
of the Vologda Institute of law and Economics
of the Federal penitentiary service of Russia,
Russia, Vologda*

Starostin Sergei

*doctor of legal Sciences, Professor of the Department of administrative
and legal disciplines of the Vologda Institute of law and Economics
of the Federal penitentiary service of Russia,
Russia, Vologda*

АННОТАЦИЯ

Авторами статьи рассматриваются особенности налогообложения физических лиц — нерезидентов в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии на основе сравнительно-правового анализа норм налогового законодательства рассматриваемых стран. Исследование международно-правовых аспектов налогообложения нерезидентов необходимо для совершенствования налоговой политики Российской Федерации, повышения ее инвестиционной привлекательности.

ABSTRACT

The author of the article considers the peculiarities of taxation of physical persons — non-residents in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany on the basis of comparative legal analysis of the tax legislation of the countries in question. A study of international legal aspects of the taxation of non-residents is necessary for the improvement of the tax policy of the Russian Federation, is increasing its investment attractiveness.

Ключевые слова: нерезидент; налогообложение; плоская шкала налогообложения; прогрессивная шкала налогообложения.

Keywords: a non-resident; tax; flat tax scale; progressive taxation.

В налоговом законодательстве Российской Федерации и Федеративной Республике Германия формально не нашла своего отражения категория «резидентство». Однако определение статуса резидентства является очень важным для определения порядка налогообложения доходов, получаемых физическими лицами.

В настоящее время налогообложение доходов физических лиц в России осуществляется на основании главы 23 «Налог на доходы физических лиц» части второй Налогового кодекса РФ [6] (далее — НК РФ), а в Германии — в соответствии с Законом «О подоходном налоге» (Einkommenssteuergesetz — EStG) [12].

В России и ФРГ подоходное налогообложение физических лиц осуществляется в случаях, когда лицо признается налогоплательщиком и имеет облагаемые доходы.

В России налогообложение физических лиц реализуется через призму признания лица резидентом или нерезидентом РФ. Резидентом РФ признается лицо, фактически находящееся в Российской Федерации не менее 183 календарных дней в течение 12 следующих подряд месяцев (статья 207 НК РФ). Анализ рассматриваемой нормы позволяет сделать вывод о том, что нерезидентом РФ признается лицо,

которое фактически находится на территории РФ менее 183 календарных дней в течение 12 следующих подряд месяцев. Нерезиденты признаются налогоплательщиками, если получают доходы от источников, находящихся на территории России [4]. Порядок налогообложения физических лиц в России не зависит от их гражданства [10].

Налоговым нерезидентом ФРГ признается физическое лицо, не имеющее постоянного места жительства и права преимущественного проживания в этой стране, однако получающее доходы от источников, находящихся на территории Германии (например, имеет собственность, сдаваемую в наем или аренду, или прибыльный бизнес).

Конкретный перечень документов, необходимый для подтверждения налогового статуса лица, налоговым законодательством России или ФРГ не установлен. Для подтверждения времени пребывания в стране могут использоваться следующие документы: трудовой договор, справки с места работы, справка из учебного заведения, табель учета рабочего времени, квитанции о проживании в гостинице, загранпаспорт работника, а также другие документы, подтверждающие время нахождения физического лица на территории государства [8, с. 39—43].

Таким образом, режим налогообложения доходов физического лица в России и Германии не зависит от его гражданства. При установлении статуса налогового резидента имеет значение временной фактор.

Нерезиденты России и ФРГ несут ограниченную налоговую обязанность, так как уплачивают налог только с доходов от источников в стране их получения [3].

При этом к налогооблагаемым доходам нерезидента РФ налоговое законодательство относит, в частности: дивиденды и проценты, полученные от российской организации; доходы, полученные от сдачи в аренду или иного использования имущества; вознаграждение за выполнение трудовых обязанностей, выполненную работу, оказанную услугу; доходы от реализации недвижимого имущества, акций, ценных бумаг, долей участия в уставном капитале организаций; страховые выплаты; пенсии, пособия, стипендии [6] и т. д.

В Германии налогообложению подлежат следующие виды доходов нерезидента, полученные в стране: от сельского и лесного хозяйства, торговли или предпринимательской деятельности, самостоятельной работы и профессиональных услуг, наемного труда, сдачи имущества в аренду или наем имущества и другой доход.

На все вышеперечисленные доходы нерезидентов России и ФРГ распространяется международный режим защиты от двойного налого-

обложения [5, с. 59—63]. В целях избежания двойного налогообложения между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германия было заключено Соглашение об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество от 29 мая 1996 г. [9]. Решение вопроса об устранении двойного налогообложения ликвидирует препятствия для развития экономических отношений между государствами.

В обеих странах в целях налогообложения учитываются все поступления, как в денежной, так и в натуральной форме (товары, работы, услуги). При этом, если в России налогообложению подлежит сумма всех доходов, уменьшенная на величину различных вычетов (стандартных, социальных и имущественных), то в Германии облагается сумма всех доходов за минусом всех издержек, связанных с их получением. Однако следует учитывать, что у налоговых нерезидентов ФРГ к вычету принимаются только расходы, непосредственно экономически связанные с полученными в этой стране доходами. Кроме того, доходы, подлежащие налогообложению посредством удержания (например, налог на заработную плату и на проценты с капитала), у данных лиц не подлежат пересчету с убытками от источников в других государствах. Следует отметить, что в обоих государствах в отношении нерезидентов налоговые вычеты при определении налоговой базы не предусмотрены.

Согласно указанному Соглашению доходы, получаемые резидентом РФ (ФРГ) от недвижимого имущества, расположенного в России (Германии), могут облагаться налогом в стране нахождения данного имущества.

Налоговым периодом при уплате налогов нерезидентами в рассматриваемых государствах является календарный год. Схожи процедуры уплаты налогов и подачи налоговых деклараций, но отличаются как порядок исчисления налогов, так и применяемые налоговые ставки (в ФРГ они именуются «налоговыми тарифами»). Налоговыми органами Германии также может быть установлена предварительная оплата подоходного налога в текущем году путем внесения авансовых платежей.

На территории России все доходы, которые получают физические лица, не являющиеся налоговыми резидентами РФ, облагаются по ставке НДФЛ, как правило, в размере 30 % и 15 % (ставка НДФЛ на доходы в виде дивидендов от долевого участия в российских организациях). Следует отметить, что в ряде случаев, когда государство заинтересовано в осуществлении данным лицом деятельности

на территории РФ, часть доходов нерезидентов облагается по ставке 13 %, так же как и резидентов РФ, например:

- при осуществлении трудовой деятельности по найму у граждан РФ на основании патента (ст. 13.3 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [11]);
- при налогообложении доходов иностранных работников — высококвалифицированных специалистов (в отношении доходов таких работников применяется ставка 13 % независимо от приобретения статуса налогового резидента РФ) и т. д.

Таким образом, на территории России в отношении нерезидентов не применяются дискриминационные налоговые ставки, так как налогообложение резидентов и нерезидентов РФ осуществляется по общим правилам и зависит от приобретенного ими статуса.

В Германии в отличие от России применяется прогрессивное налогообложение. В соответствии с основными направлениями налоговой политики Российской Федерации на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов [7] введение прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц, в том числе нерезидентов РФ, не планируется.

С 2010 г. в Германии была отменена минимальная налоговая ставка подоходного налога для нерезидентов, которая до этого была установлена в размере 25 %. В настоящее время эффективная налоговая ставка подоходного налога для нерезидентов ФРГ установлена в диапазоне от 14 % до 45 % в зависимости от размера дохода, получаемого нерезидентом на территории Германии [12]. Принятая мера значительно повысила привлекательность инвестиций в Германию для инвесторов с небольшим и средним капиталом, что, в свою очередь, вызвало повышение спроса на немецкую недвижимость со стороны иностранных инвесторов.

Отдельная налоговая ставка в отношении доходов нерезидентов ФРГ установлена в размере 25 %, которая применяется при получении доходов с капитала, например, начисленным процентам по банковским вкладам или переданным заем средствам. Удержание налога в данном случае осуществляется, по общему правилу, самим субъектом, производящим выплату дохода (например, банком) [12].

Таким образом, налоговая ставка подоходного налога в ФРГ не выражена, в отличие от России, в фиксированных процентах и определяется на основании установленной тарифной сетки, следовательно, при налогообложении в Германии применяется эффективная ставка (налоговой нагрузки), имеющая нелинейный характер.

Необходимо отметить, что в России и ФРГ существует категория налогоплательщиков — нерезидентов, которые могут самостоятельно исчислять суммы налога, подлежащие уплате в соответствующий бюджет. В России данным правом наделены налогоплательщики, которые получают доходы от осуществления трудовой деятельности по найму у граждан РФ на основании патента. В Германии речь идет о физических лицах — нерезидентах, имеющих доходы, помимо тех, которые они получают по основному месту работы [2, с. 81—85] и т. д.

Следует иметь в виду, что возможность получения налоговых вычетов предусмотрена как в России, так и в ФРГ. Например, при продаже имущества, находившегося в собственности нерезидента РФ более трех лет, предоставление имущественного налогового вычета не осуществляется. В данном случае доход нерезидента будет облагаться по ставке 30 % (п. 3 ст. 224 НК РФ). Тем не менее, иностранным гражданам, которые работают в России, налоговые вычеты могут быть предоставлены. Но для этого нужно, чтобы иностранный гражданин приобрел статус налогового резидента [1, с. 18—25]. При определенных условиях в Германии иностранцы могут обратиться с заявлением в налоговые органы с целью признания их в качестве налоговых резидентов ФРГ, после приобретения статуса резидента им будет предоставлен вычет из подлежащего обложению налогом дохода. Возможность получения соответствующего вычета предусмотрена в строго определенных случаях, например, когда налогооблагаемые доходы резидента за пределами Германии не превышают величины налогового вычета.

Таким образом, установленный в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия правовой режим налогообложения нерезидентов, который:

- основывается на положениях, закрепленных в нормах национального налогового законодательства и в международных соглашениях;
- базируется на общем принципе налогообложения доходов физических лиц, сущность которого сводится к простому правилу: доходы налогоплательщика должны облагаться в стране, от источников внутри которой они получены.
- представляет собой систему правил взимания налогов в зависимости от статуса налогоплательщика, характера и вида осуществляемой деятельности и иных факторов.

Список литературы:

1. Будакова Н.И. Особенности исчисления НДФЛ в отношении работников-иностранцев // Оплата труда: бухгалтерский учет и налогообложение. — 2014. — № 5. — С. 18—25.
2. Гришина О.П. Если работник — иностранный гражданин, временно пребывающий на территории РФ // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. — 2014. — № 1. — С. 81—85.
3. Дрибноход Т.П. Проблемы подоходного налогообложения в Германии (на примере физических лиц - нерезидентов) // Налоги и налогообложение. 2006. № 5.
4. Киселев А. НДФЛ: все ли правильно? // СПС КонсультантПлюс. (Дата обращения: 18.10.2014).
5. Мацепуро Н.А. Применять ли налоговому агенту международное соглашение при удержании НДФЛ с нерезидента? // Главная книга. — 2013. — № 11. — С. 59—63.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 04.10.2014) // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340./ СПС КонсультантПлюс. (Дата обращения: 18.10.2014).
7. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте / [Электронный источник] — Режим доступа. — URL: <http://www.minfin.ru> (Дата обращения: 18.10.2014).
8. Пантюшов О.В. Вопросы налогообложения доходов нерезидентов // Адвокат. — 2013. — № 10. — С. 39—43.
9. Соглашение между РФ и Федеративной Республикой Германия от 29.05.1996 (ред. от 15.10.2007) «Об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество» // СЗ РФ. 1998. № 8. Ст. 913./ СПС КонсультантПлюс. (Дата обращения: 18.10.2014).
10. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 23.06.2014) «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2081./ СПС КонсультантПлюс. (Дата обращения: 18.10.2014).
11. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032./ СПС КонсультантПлюс. (Дата обращения: 18.10.2014).
12. Einkommenssteuergesetz (EStG) Ausfertigungsdatum vom 16.10.1934 // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/estg/> (Дата обращения: 17.10.2014).

ФИНАНСЫ СТРАХОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Косоногова Светлана Васильевна

*канд. юрид. наук, доцент,
начальник кафедры административно-правовых дисциплин
Вологодского института права и экономики ФСИН России,
РФ, г. Вологда
E-mail: kos-svet@mail.ru*

Потапов Андрей Михайлович

*канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры административно-правовых дисциплин
Вологодского института права и экономики ФСИН России,
РФ, г. Вологда
E-mail: potapov_35@list.ru*

FINANCE INSURANCE AS PART OF THE FINANCIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Svetlana Kosonogova

*candidate of legal Sciences, Professor, head of the Department
of administrative and legal disciplines of the Vologda Institute
of law and Economics of the Federal penitentiary service of Russia,
Russia, Vologda*

Andrey Potapov

*candidate of legal Sciences, Professor, head of the Department
of administrative and legal disciplines of the Vologda Institute
of law and Economics of the Federal penitentiary service of Russia,
Russia, Vologda*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается место финансов страхования в финансовой системе. Анализируются точки зрения на состав финансовой системы, приводятся доводы в обоснования финансов страхования как самостоятельного элемента финансовой системы

ABSTRACT

The article considers the place of Finance insurance in the financial system of the Russian Federation. Analyzes point of view on the part of the financial system of the Russian Federation, the arguments in justification of Finance insurance as an independent part of the financial system

Ключевые слова: страхование; финансовая система; страховые резервы; страховой фонд.

Keywords: insurance; financial system; insurance reserves; insurance Fund.

Финансы страхования являются составным элементом категории «финансы». Долгое время являлась преобладающей точка зрения, что страховые отношения входят в состав различных финансовых отношений. Она обосновывается тем, что страхование имеет, отчасти, сходные с финансами функции и роль [1, с. 20].

В целях подтверждения данного положения проанализируем мнения ученых о финансовой системе и месте страхования в этой системе.

Финансы как экономическая категория обладают общими чертами. Они имеют свою структуру, в которую входят несколько взаимосвязанных звеньев, для каждого из которых характерны свои признаки. Необходимость их выделения определена многообразием потребностей общества, которые обслуживают финансы. Совокупность входящих в состав финансов звеньев, в их взаимосвязи, образуют финансовую систему.

Вопросы понятия и состава финансовой системы активно разрабатывались еще советскими учеными. Детальное исследование по данной проблематике провел С.Д. Цыпкин. Он указывал, что понятие «финансовая система СССР» употреблялось в двух смыслах. В первом варианте финансовая система СССР рассматривалась как «совокупность и взаимосвязь различных групп финансовых отношений, каждая из которых имеет особенности в аккумуляции и использовании денежных фондов». Во втором варианте термин «финансовая система СССР» характеризовался как «совокупность государственных органов и учреждений, осуществляющих финансовую деятельность» [15, с. 5—6].

В современной науке финансового права так же сохранилось двойное толкование дефиниции «финансовая система». Н.И. Химичева предлагает рассматривать финансовую систему как внутреннюю структуру финансов, совокупность входящих в них взаимосвязанных

институтов, каждое из которых представляет особую группу финансовых отношений [13, с. 23]. О.Н. Горбунова представляет финансовую систему как совокупность финансовых звеньев, каждый из которых объединяет отдельные финансовые отношения и совокупность государственных органов, осуществляющих финансовую деятельность [2, с. 10]. Следует согласиться с мнением Н.И. Химичевой, которая считает, что употребление термина «финансовая система», как системы государственных органов ведет к размыванию понятия «финансовая система» [13, с. 23], и неудачно объединяет финансовые отношения и органы управления. В отношении государственных органов, осуществляющих финансовую деятельность, правильное употребление термин «система финансово-кредитных органов».

Анализ взглядов различных ученых позволяет констатировать, что наиболее устоявшейся точкой зрения является позиция, в соответствии с которой в финансовую систему входят следующие фонды денежных средств:

- бюджетные фонды;
- государственные внебюджетные фонды;
- финансы предприятий, организаций, учреждений;
- финансы страхования;
- кредит (государственный, муниципальный, банковский) [8, с. 98, 4, с. 97].

Каждый элемент финансовой системы оказывает воздействие на процесс воспроизводства и выполняет присущие ему функции. Фонды страховых организаций, в частности, предназначены для возмещения вреда, причиненного стихийными бедствиями и другими обстоятельствами непреодолимой силы.

В экономической и финансово-правовой литературе прослеживаются две точки зрения, на место страхования в финансовой системе. Согласно первой, страхование находится в звене финансов предприятий. Это обосновывается тем, что все страховые организации являются коммерческими и реализуют свою деятельность на принципах самофинансирования. Поэтому в связи с производственным характером деятельности, отсутствуют основания для выделения их из общей системы финансов предприятий, функционирующих на коммерческих началах, в самостоятельное звено. Этой позиции придерживаются многие представители финансово-экономической науки [8, с. 98, 4, с. 27]. Данная точка зрения имеет право на существование, так как широко распространено негосударственное страхование хозяйствующих субъектов. Представляется, что такая позиция не в полной мере

отражает специфику образования, распределения и использования страховых фондов и рисковый характер этих отношений.

Представители второго научного направления рассматривают страхование как самостоятельный элемент финансовой системы. В работах ученых-экономистов [6, с. 45—48, 9, с. 11] отмечается, что распределительные отношения, свойственные страхованию, связаны, с одной стороны, с созданием страхового фонда, с другой — вероятностным (рисковым) характером отношений по поводу возмещения вреда из названного фонда субъектам страхования. Например, Т.А. Федорова считает, что «...как часть финансовых отношений страхование имеет ряд особенностей, отличающих его от других элементов этой системы» [12, с. 5].

Следует согласиться с данной позицией, основываясь на том, что страхование в отличие от других видов предпринимательской деятельности подвержено значительному публично-правовому регулированию со стороны государства. Государством устанавливаются нормы минимального уставного капитала страховщика, правила создания и размещения страховых резервов, иными словами финансовая деятельность страховщика строго регулируется государством. В отличие от страховых организаций, например, организации, занимающиеся поставкой товаров, имеют право на самостоятельную финансовую деятельность.

Сущность страхования раскрывается через функции. Выделим несколько точек зрения на функции, свойственные страхованию.

В соответствии с первой точкой зрения страхованию свойственны первостепенные функции финансов — распределительная и контрольная [3, с. 21].

Посредством распределительной функции происходит формирование уставного капитала, сформированного за счет вложений учредителей и предназначенного для авансирования организации на начальной стадии страховой деятельности. Сущность распределительной функции финансов страховой организации заключается в формировании денежных фондов страховых организаций посредством распределения и перераспределения доходов между резервными фондами. Распределительные отношения с участием страховых организаций касаются интересов как общества в целом, так и отдельных предприятий, их работников, и иных субъектов. Поэтому первостепенная задача в данном случае — их оптимальная организация [7, с. 11]. Осуществлению этой задачи содействует контрольная функция финансов. Она выражается в том, что страховые взносы аккумулируются в страховой фонд на конкретные цели,

используются в установленных случаях и конкретными лицами. Указанная функция является основанием осуществления финансового контроля в сфере страхования.

Еще один взгляд на функции страхования предусматривает, что страхование обладает собственными специфическими функциями. В.К. Райхер считал основными функциями страхования возмещение ущерба, происходящих в результате несчастных случаев и стихийных бедствий, восстановление разрушаемых этими явлениями объектов [10, с. 56].

Е.А. Ровинский утверждал, что страхованию присущи следующие функции: возмещение вреда, причиненного несчастными случаями и стихийными бедствиями, а также оказание финансовой помощи пострадавшим гражданам и их семьям (данную функцию исследователь считал основной); защита собственности от разрушительного действия стихии и несчастных случаев; содействие дальнейшему росту производительных сил страны, развитию всего народного хозяйства» [12, с. 247—248].

Следующая точка зрения обосновывает вывод о том, что страхованию как финансовой категории свойственны функции финансов (распределительная и контрольная), но с определенной спецификой [13, с. 596, 11, с. 21].

По мнению Е.В. Покачаловой, распределительная функция финансов проявляется в страховании через такие специфические черты, как восстановление, предупреждение, и сбережение» [13, с. 596].

Предупредительная функция страхования выражается в праве страховых организаций распоряжаться временно свободными денежными средствами для проведения предупредительных мероприятий с целью предупреждения и минимизации потерь страхователей.

Восстановительная (защитная) функция страхования предполагает полное или частичное погашение материальных потерь страхователя в результате возникновения страхового случая.

Сберегательная функция направлена на обеспечение защиты денежных вложений, уплаченных в качестве страховых взносов. Она наиболее типична для страхования на дожитие, пенсионного страхования и др. В данных случаях категории «страхование» в большей степени свойственна функция накопления установленных договором сумм в их денежном выражении.

Также необходимо отметить, что в условиях рыночных отношений, целесообразно выделение инвестиционной функции страхования. Данный вывод основывается на ст. 26 Закона РФ от 27 ноября 1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской

Федерации» [5, с. 16], который прямо указывает, что «страховщики вправе инвестировать или иным образом размещать страховые резервы и иные средства...». Данная функция имеет большое значение для обеспечения платежеспособности, так как правильное размещение свободных денежных средств позволит страховщикам получить дополнительную прибыль. Поэтому без инвестиционной функции невозможно организовать страхование как таковое.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно делать вывод о том, что финансы страхования являются самостоятельным элементом финансовой системы, так как распределительные отношения, присущие страхованию, имеют ряд особенностей, отличающих его от других элементов этой системы, которые выражаются в формировании страхового фонда, рисковым характером отношений по поводу возмещения вреда из этого фонда субъектам страхования, а также государственным регулирование указанной деятельности.

Список литературы:

1. Васильев С.В. Обязательное государственное страхование в системе социальной защиты военнослужащих. Дис. ... канд. эконом. наук. Ярославль, 2004. — 189 с.
2. Горбунова О.Н. Правовые основы финансовой деятельности государства // Финансовое право: Учебник / Под ред. Е.Ю. Грачевой, Г.П. Толстопятенко. М.: Издательство «Проспект», 2004. — 536 с.
3. Государственное страхование в СССР: Учебник / Под ред. Л.А. Мотылева. М.: Финансы и статистика, 1985. — 308 с.
4. Дадашев А.З., Черник Д.Г. Финансовая система России: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 1998. — 248 с.
5. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 21.07.2014) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 56.// СПС КонсультантПлюс. 2013. (Дата обращения 19.10.2014).
6. Коломин Е.В. Взаимосвязь финансово-экономических и морально-этических основ страхования // Финансы. — 2001. — № 8. — С. 45—48.
7. Мамедов А.А. Финансы страховых организаций и финансовая система // Страховое дело. — 2003. — № 7. — С. 8—11.
8. Моляков Д.С. Финансы предприятий отраслей народного хозяйства: Учебное пособие. М.: Финансы и статистика, 1988. — 120 с.
9. Основы страховой деятельности: Учебник / Под ред. Т.А. Федоровой. М.: Экономист, 2003. — 874 с.

10. Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1947. — 282 с.
11. Рейтман Л.И. Страхование дело. М.: Банковский и биржевой научно-консультативный центр, 1992. — 524 с.
12. Советское финансовое право: Учебник / Под ред. Е.А. Ровинского. М.: Юридическая литература, 1971. — 343 с.
13. Финансовое право : учебник / отв. ред. Н.И. Химичева. 4-е изд., перераб. И доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. — 768 с.
14. Финансы / Под ред. М.В. Романовского, О.В. Врублевской, Б.М. Сабанти. СПб.: Перспектива «Юрайт», 2004.
15. Цыпкин С.Д. Финансово-правовые институты и их роль в современной финансовой системе советского государства. М.: МГУ, 1983. — 268 с.

**ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЮДЖЕТНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ УЛАН-УДЭНСКОГО
ФИЛИАЛА ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ «ЦЕНТР
ГИГИЕНЫ И ЭПИДЕМИОЛОГИИ
ПО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМУ ТРАНСПОРТУ»**

Мартынюк Юлия Сергеевна

*главный бухгалтер Улан-Удэнского филиала Федерального бюджетного
учреждения здравоохранения «Центр гигиены и эпидемиологии
по железнодорожному транспорту», магистрант кафедры
конституционного, административного и муниципального права
юридического факультета Бурятского государственного университета,
РФ, г. Улан-Удэ
E-mail: martinuk-ula@mail.ru*

**FEATURES OF ACTIVITY OF THE BUDGETARY
ESTABLISHMENT ON THE EXAMPLE OF THE ULAN-UDE
BRANCH OF FEDERAL BUDGETARY HEALTHCARE
INSTITUTION "THE CENTER OF HYGIENE
AND EPIDEMIOLOGY FOR RAILWAY TRANSPORT"**

Martyniuk Yulia

*chief Accountant of the Ulan-Ude branch of Federal budgetary healthcare
institution "The Center of Hygiene and Epidemiology for Railway Transport",
undergraduate of chair of the constitutional, administrative and municipal
right of law department of the Buryat state university,
Russia, Ulan-Ude*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам правового регулирования деятельности бюджетного учреждения на примере Улан-Удэнского филиала Федерального бюджетного учреждения здравоохранения «Центр гигиены и эпидемиологии по железнодорожному транспорту».

ABSTRACT

Article is devoted to questions of legal regulation of activity of the budgetary establishment on the example of the Ulan-Ude branch

of Federal budgetary healthcare institution "The center of hygiene and epidemiology for railway transport".

Ключевые слова: финансовое право; бюджетные учреждения; федеральные бюджетные учреждения здравоохранения.

Keywords: financial right; budgetary establishments; federal budgetary healthcare institutions.

Финансовое право регулирует отношения, возникающие в сфере публичной финансовой деятельности, а также является отраслью права, регулятивная функция которой направлена на преобразование и организацию отношений в процессе ее осуществления.

В данном случае рассматриваются общественные отношения, возникающие в процессе осуществления финансовой деятельности бюджетными учреждениями, посредством которой организацией осуществляется выполнение государственного задания по предоставлению широкого спектра государственных услуг, соответствующих правовому статусу и полномочиям конкретного бюджетного учреждения.

Стабильная финансовая система государства составляет основу эффективной финансовой деятельности бюджетных учреждений. В связи с этим, процессы реформирования финансовой системы, в частности бюджетной системы Российской Федерации, находят свое отражение в содержании финансовой деятельности федеральных бюджетных учреждений незамедлительно.

Основные особенности правового статуса федеральных бюджетных учреждений определяются ст. 9.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях» [7], ст. 120, 296, 298 Гражданского кодекса Российской Федерации, рядом статей Бюджетного кодекса Российской Федерации, подзаконными актами учредителя.

Согласно п. 1 ст. 9.2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» [7], федеральным бюджетным учреждением является некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией для выполнения работ (оказания услуг), в том числе оказания государственных услуг физическим и юридическим лицам в соответствии с государственным заданием, в целях осуществления предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, а также в иных сферах.

Учредителем федеральных учреждений выступает Российская Федерация, при этом функции и полномочия учредителя в отношении подведомственных учреждений, в том числе и функции контроля за их

деятельностью, возложены на учредителя (ст. 31 Федерального закона от 08.05.2010 г. № 83-ФЗ [6]).

В соответствии с Уставом основной деятельностью Улан-Удэнского филиала ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии по железнодорожному транспорту» [3] является обеспечение деятельности Восточно-Сибирского территориального отдела Управления Роспотребнадзора по железнодорожному транспорту.

В целях реализации приказа Роспотребнадзора № 830 от 11.11.2011 г. [2] филиалами в 2011 году проведены мероприятия по переходу на субсидиарное финансирование: утверждены перечни недвижимого и особо ценного движимого имущества, получены «Положения», изготовлены печати, вывески, бланки, открыты своевременно новые лицевые счета, произведена замена удостоверений, внесены необходимые изменения в должностные инструкции, Положения о структурных подразделениях и другие.

Улан-Удэнский филиал осуществляет свою деятельность по обеспечению санитарно-эпидемиологического надзора на участке Улан-Удэнского региона Восточно-Сибирской железной дороги — филиала ОАО «РЖД», в границах от железнодорожной станции Мысовая до станции Улан-Удэ; от станции Улан-Удэ до станции Кижя; от станции Улан-Удэ до Пограничной станции Наушки. Протяженность железной дороги Улан-Удэнского региона по основной Транссибирской магистрали составляет 607 км., с ответвлениями 858 км.

Количество заключенных договоров возмездного характера с предприятиями и организациями железнодорожного транспорта за 12 месяцев 2013 года — 99, в том числе по производственному контролю — 46, по дезинфекционным мероприятиям — 21, по радиационному контролю металлолома — 9, на гигиеническую подготовку с последующей аттестацией работников — 3, по санитарно-эпидемиологической экспертизе — 20.

Обязательства по договорам выполняются в полном объеме в соответствии с ежемесячными графиками, жалоб и претензий от контрагентов по срокам и качеству выполняемых работ нет. Сверка расчетов с дебиторами производится на регулярной основе.

Локально-правовую политику бюджетные учреждения проводят самостоятельно в отношении формирования доходов от оказания платных услуг, являющихся дополнительным источником финансового обеспечения деятельности учреждения, а также распределения и использования средств от приносящей доход деятельности, обеспечивающих нормальную деятельность учреждения, в том числе по оказанию общезначимых(публичных)услуг гражданам.

Спорным остается вопрос о гарантии качества услуг, оказываемых на платной основе. Проблему качества услуг, закон вообще не затрагивает. Понятие «качество» складывается из многих параметров: аттестации работников, самого заведения, централизованных методик и стандартов и т. д. Между тем, в России до настоящего момента не приняты государственные стандарты ни в системе образования, ни в здравоохранении.

Для примера приведем отчет об исполнении учреждением плана его финансово-хозяйственной деятельности данного учреждения:

Приносящая доход деятельность (собственные доходы учреждения): по разделу 1 «Доходы учреждения» исполнение 100 %; по разделу 2 «Расходы учреждения» исполнение 100 %.

Субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания: суммы субсидии использованы при выполнении государственного задания, согласно плана финансово-хозяйственной деятельности на 2013 год.

Субсидии на иные цели: поступили субсидии на иные цели — «на проведение мероприятий по борьбе с эпидемиями». Вся сумма субсидии использована по целевому назначению.

В ходе реализации намеченных мероприятий государственного задания все услуги (работы) были выполнены. Согласно объема государственного задания выполнение 100 %.

Федеральный закон от 08.05.2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» представляет собой нормативно правовой акт, вносящий широкий круг изменений в действующее финансовое, гражданское, административное законодательство в части регулирования правового статуса, в том числе, финансово-правового статуса бюджетных учреждений [6].

Вместе с тем по результатам поэтапной реализации Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ, Улан-Удэнским филиалом ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии по железнодорожному транспорту» были проведены мероприятия, которые были предусмотрены «Планом мероприятий по переходу на субсидиарное финансирование с 1 января 2012 года федеральных бюджетных учреждений Роспотребнадзора», утверждённых приказом Роспотребнадзора от 11.11.2011 № 830 [2]: внедрены нормативно-правовые акты Роспотребнадзора по переходу на субсидиарное финансирование, по предоставлению государственных услуг; утверждён и реализуется план мероприятий по реализации федерального закона от 08.05.2010

№ 83-ФЗ [6]; зарегистрирован устав и другие учредительные документы; произведён расчет нормативных затрат для выполнения государственного задания на 2015 год в соответствии с приказом Роспотребнадзора от 13.12.2010 г. № 458 [1].

Задачами Улан-Удэнского филиала ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии по железнодорожному транспорту» по обеспечению федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора в 2014—2015 годы являются:

1. Обеспечение реализации Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [4] и принятых в его развитие постановлений Правительства Российской Федерации.

2. Реализация Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5].

3. Ежеквартальное согласование с Восточно-Сибирским территориальным отделом отчёта об исполнении количественных показателей государственного задания.

Список литературы:

1. Приказ Роспотребнадзора от 13.12.2010 № 458 «Об утверждении Порядка определения нормативных затрат на оказание федеральными государственными учреждениями, находящимися в ведении Роспотребнадзора государственных услуг (выполнения работ) и нормативных затрат на содержание их имущества» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108049/ (дата обращения 15.10.14).
2. Приказ Роспотребнадзора от 11.11.2011 № 830 «О переходе на финансирование в виде субсидий с 1 января 2012 года» (официально не был опубликован) // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=518840> (дата обращения 15.10.14).
3. Устав Федерального бюджетного учреждения здравоохранения «Центр гигиены и эпидемиологии по железнодорожному транспорту», утвержден Приказом руководителя Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 21.03.2011 года № 284 (официально не был опубликован) // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.fcrw.ru/d4.html> (дата обращения 15.10.14).

4. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166132/ (дата обращения 15.10.14).
5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165870/ (дата обращения 15.10.14).
6. Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ (ред. от 04.10.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169449/ (дата обращения 15.10.14).
7. Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О некоммерческих организациях» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/> (дата обращения 15.10.14).

Научное издание

«ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ»

Сборник статей по материалам
XLII международной научно-практической конференции

№ 10 (41)
Октябрь 2014 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 27.10.14. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 5,625. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 15
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3